

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
УЗБЕКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ**

На правах рукописи

ОГУЛЬЧАНСКАЯ ЯДВИГА

«Особенности концептосферы в произведении Анри Труайя»

Специальность: 5А220102

Лингвистика (французский язык)

ДИССЕРТАЦИЯ

На соискание ученой степени магистра филологии

Работа рассмотрена и
допускается к защите:

«_____» _____

Научный руководитель:

к.ф.н., доцент
Каримова И.А.

Ташкент2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3-9
Глава I. Когнитивная лингвистика как новое направление	
I.1. Основы когнитивной лингвистики.....	10-15
I.2. Понятие «концепта» и «концептосферы».....	17-22
Выводы по I главе.....	22-25
Глава II. Моделирование концепта и дискурса	
II. 1. Концепт как лингвокогнитивное понятие.....	26-32
II.2. Дискурс как лингвистическое понятие.....	34-41
Выводы по II главе.....	42-43
Глава III. Особенности концептосферы произведения Анри Труайя	
III . 1. Особенности художественного концепта.....	43-55
III . 2. Концептосфера романа « La tête sur les épaules ».....	56-86
Выводы по III главе.....	87-90
Заключение	92-95
Список использованной литературы	96-105

ВВЕДЕНИЕ

Приобретение независимости Республикой Узбекистан поставило решение не только политических и экономических проблем, но ряда социальных задач, одной из которых является подготовка кадров.

Президент Республики Узбекистан И. А. Каримов говорил о том, что «национальная модель подготовки кадров включает в себя, в качестве существенно значимого элемента, науку, как сферу, в которой формируются новые фундаментальные и прикладные знания; осуществляется подготовка научных и педагогических кадров высшей квалификации» [Каримов И.А. Речь на девятой сессии Олий Мажлиса. Т. 1997].

Решение данной задачи требует постановки качественного образования в школе, в вузе, в магистратуре. В этом ряду большое место занимает обучение иностранным языкам. Обучение иностранным языкам является обязательным предметом во всех типах школ и вузов Республики Узбекистан.

Обучение иностранным языкам, как правило, должно сопровождаться обучению культуре, истории, традициям того или иного народа.

Именно поэтому возрос интерес к лингвокультурологии, а также к когнитивной лингвистике – активно развивающемуся лингвистическому направлению, во многом определяющее лицо современной мировой лингвистической науки. Вместе с тем, это направление сравнительно новое, молодое, и в нем много дискуссионных моментов, как в теоретических вопросах, так и в исследовательской практике, в методах исследования. Тем не менее, в последние годы в проблематике когнитивной лингвистики проделана большая работа по освоению когнитивной методики изучения языка, описаны в лингвокогнитивном плане многие когнитивные категории и концепты,

разработаны лингвокогнитивные методики и приемы анализа языка.

Уточнены понятие концепта, типология концептов, представление о структуре и содержании концепта, образном компоненте концепта и соотношении компонентов концепта в его структуре, понятие о полевой организации концепта. Сформулирован семантико-когнитивный подход к анализу языка, разграничена когнитивная семасиология и лингвоконцептология, предложены детализированные алгоритмы лингвокогнитивного анализа, приведены примеры целостного анализа концептов на базе разработанных методик.

Понятие «концепт» связано не только с лингвистикой и развитием языка, но и с культурным аспектом нашей жизни в целом.

Сущность любого явления может рассматриваться посредством восприятия явлений окружающего мира и способствовать формированию представления о нем. Лингвистика сегодня все больше интересуется когнитивным аспектом различных явлений, то есть способами его познаний.

Таким образом, формирование представления о том или ином явлении, а значит, разных концептов и изучение этого процесса является на сегодняшний день актуальным предметом.

Ю.М. Лотмана, говоря о статусе концепта в процессе познания и коммуникации, считает, что необходимо учитывать феноменологический аспект культуры как специфики человеческой деятельности, обладающей внутренней конституированностью, некоторой целью. По его мысли «понятие цели неизбежно включает в себя представление о некоем конце события. Человеческое стремление приписывать действиям и событиям смысл и цель подразумевает расчлененность непрерывной реальности на некоторые

условные сегменты; осмысление связано с сегментацией недискретного пространства» [Лотман, 2000: 137].

Возникновение же категории концепта как таковой (лат. *conceptus* – понятие), исторически восходит к Пьеру Абеляру, рассматривавшему концепт как форму «схватывания» смысла; как «собрание понятий, замкнутых в воспринимающей речью душе»; «связывание высказываний в одну точку зрения на тот или иной предмет при определяющей роли ума, преобразующего высказывания в льнущую к Богу мысль» [Неретина, 1994: 141]. В качестве основного признака концепта Абеляр выделял его конституированность индивидуальным сознанием, что легло в основание трактовки концепта как предельно субъективной формы схватывания смысла.

Немаловажен и тот факт, что средневековому сознанию был чужд характерный для современного научного знания аспект эпистемологической неуверенности – сомнения в достоверности любой картины мира, претендующей на абсолютную истину [Ильин, 1999: 281 – 282], поэтому создание концепта было подобно акту «причащения» человека к божественной мысли, осмысляемой как истина, на что указывалось исследователями наследия Абеляра: «Создавая свой концепт, свою точку зрения, средневековый человек становился автором своего, если угодно, Слова, или Книги, выраженного в комментарии» [Неретина, 1994: 142]. Здесь стоит отметить, что внутренний мир человека, являясь чувственной стороной его бытия, очень обширен и сложен. Важно также отметить «концептуальный анализ» как одно из плодотворных направлений лингвистического анализа текста, прошедшего за последние тридцать лет сложный и противоречивый путь. Изучение текста осуществлялось с разных методологических позиций. Внимание

исследователей привлекали вопросы и т.д. Ответы на многие вопросы еще не найдены.

Исследование концептов позволяет провести не просто лингвистический, а более того, филологический анализ, что, несомненно, ведет к более глубокому пониманию текста и позиции автора.

В современной когнитивной лингвистике утвердилось представление о полевой организации структуры концепта. Когнитивные компоненты, представленные в его словарной дефиниции соотносятся с ядром концепта, а контекстуальные репрезентации смысла образуют его периферию. [Бочегова Н.Н., 2005].

Актуальность настоящей работы определяется тем, что новая антропоцентрическая научная парадигма в языкознании позволила взглянуть на язык не как на имманентную сущность, а как на средство выражения и формирования homo sapiens и homo loquens и открыла новые перспективы для изучения этноцентризма речемыслительной деятельности. Сегодня внимание многих исследователей, работающих в рамках новой научной парадигмы, привлекают такие феномены, как ментально-лингвальный комплекс, языковое сознание субъекта коммуникации, концептосфера, национально-культурное пространство, т.е. те феномены, которые стоят за дискурсом и предопределяют его национально-культурную специфику [Красных, 2003: 34].

Целью данного исследования является выявление ведущих концептов, а также раскрытие понятия «концепт», его сущности и наиболее характерных черт в романе Анри Труайя «La tête sur les épaules».

Согласно цели исследования в работе ставятся следующие **задачи**:

1. сделать обзор работ, касающихся понятий «когнитивная лингвистика», «концепт», «концептосфера»;
2. рассмотреть принципы моделирования концепта в лингвокогнитивном исследовании;
3. рассмотреть понятие художественного концепта;
4. выявить основные способы репрезентации ключевых концептов исследуемого произведения;
5. выявить особенности концептуальной модели произведения.

Объектом настоящего исследования является произведение французского писателя Анри Труайя « La tête sur les épaules »

Предметом настоящего исследования является выявление ведущих концептов, концептуальной модели в рамках произведения А. Труайя.

Теоретической основой работы являются труды по лингвокультурологии, когнитивной лингвистике, психолингвистике отечественных и зарубежных авторов (Аскольдова С.А., Бабенко Л.Г., Бочеговой Н.Н., Гончаровой Е.А., Ильина И.П., Стернин И. А. и других).

Методологическую основу нашего исследования составляют теоретические положения, авторами которых являются Valmary M., Степанов Ю.С., Кубрякова Е.С., Кирилина А.В., Карасик И.В., Маслова, Таннен Д., Lakoff R., Preceline V., Romaine S. и другие.

Для исследования использовались **методы и приёмы:** контекстуальный анализ с использованием приема компонентного анализа с опорой на словарные дефиниции при интерпретации примеров идиостиля А. Труайя; метод ассоциативно - семантического поля, тематико- классификационный анализ при описании структуры концепта.

Материалом для исследования послужил роман А. Труайя « La tête sur les épaules ».

Научная новизна исследования заключается в использовании новой методики исследования концептосферы в связи с культурными доминантами и языком, что существенно расширяет границы лингвистических знаний. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения своеобразия понятия «концепт».

Теоретическая значимость настоящего исследования состоит в том, что исследование проводится в русле таких дисциплин как лексикология, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, а также в выявлении особенностей идиостиля писателя на определенном фактическом материале с привлечением аппарата когнитивной лингвистики. Обосновывается подход к концепту как к единице индивидуального сознания. Анализируется художественный текст конкретного автора в аспекте соотношений лингвистики (значений языковых единиц) и экстралингвистики (знаний о мире).

Практическая значимость работы состоит в том, что ее положения и выводы могут быть использованы в учебном и исследовательском процессе в языковых ВУЗах; в лекционных курсах по лингвокультурологии, лингвистике, когнитивной лингвистике, на спецкурсах и спецсеминарах, посвященных изучению идиостиля писателя.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Художественный концепт – ментально-языковая единица, репрезентируемая в художественном произведении с помощью языковых средств и приемов (тропов, повторов);
2. художественный концепт изначально возникает в сознании писателя и может быть реконструирован исследователем;

3. структура художественного концепта имеет общекультурные и индивидуально - авторские признаки;
4. структурно художественный концепт представляется в виде двух ассоциативно - семантических полей (АСП): АСП содержания и АСП репрезентации содержания.

Достоверность и обоснованность выводов работы определяется методологической базой исследования, опирающейся на труды авторитетных ученых, и большим объемом проанализированного языкового материала, включающего словари разного типа, выдержки из брошюр, статей из французской периодической прессы.

Апробация работы осуществлялась в виде выступления на конференциях. По теме диссертации опубликовано две статьи:

1. Ключевое слово как лексическое выражение концепта. // Илмий- амалий конференция мақолалар тўплами I , -Т., УзДЖТУ, 2013.
2. «Один из подходов концептуального анализа художественного текста» - Замонавий тилшунослик, адабиётшунослик, таржимашунослик ва хорижий тиллар ўқитишнинг муаммолари, - Т., УзДЖТУ, 2014.

Структура диссертационного исследования: диссертация состоит из введения, трёх глав с выводами, заключения, списка использованной литературы, включающего **122** источников, в том числе **27** на иностранных языках, списка словарей. Общий объем диссертации составляет **95** страниц машинописного текста.

ГЛАВА I. Когнитивная лингвистика как новое направление

I.1. Основы когнитивной лингвистики

В современной лингвистике особую актуальность приобретает когнитивный подход, который доказывает, что оперирование «классическими» категориями для описания и объяснения содержания и структуры языковых единиц не отвечает потребностям современных исследований [Рудакова, 2002: 4].

Когнитивная лингвистика прочно заняла свое место в парадигме концепций современного мирового языкознания. Именно ее возникновение и бурное развитие на современном этапе являются характерной чертой языкознания рубежа веков.

О рождении когнитивной лингвистики официально было объявлено весной 1989 года в Дуйсбурге на симпозиуме, организованном Рене Дирвеном и другими европейскими учёными. В первом номере журнала «Когнитивная лингвистика» его главный редактор Дирк Герэртс так определил задачи нового лингвистического направления — исследование языка как средства организации, обработки и передачи информации. [<http://urss.ru/artic7/001>].

Языковые формы изучаются не сами по себе, автономно, а с позиций того, как они отражают определенное видение мира человеком и способы его концептуализации в языке, общие принципы категоризации и механизмы обработки информации, с точки зрения того, как в них отражается весь познавательный опыт человека, а также влияние окружающей среды .

По определению В. З. Демьянкова и Е. С. Кубряковой, когнитивная лингвистика изучает язык как когнитивный механизм, играющий роль в

кодировании и трансформировании информации [Краткий словарь когнитивных терминов, с. 53-55].

В когнитивной лингвистике мы видим новый этап изучения сложных отношений языка и мышления, проблемы, в значительной степени характерной именно для отечественного теоретического языкознания. Когнитивные исследования получили признание в России, как справедливо подчеркивает Е. С. Кубрякова, прежде всего потому, что они обращаются «к темам, всегда волновавшим отечественное языкознание: языку и мышлению, главным функциям языка, роли человека в языке и роли языка для человека» [Кубрякова, 2004, с. 11].

Начало такому изучению положили нейрофизиологи, врачи, психологи (П. Брока, К. Вернике, И. М. Сеченов, В. М. Бехтерев, И. П. Павлов и др.). На базе нейрофизиологии возникла нейролингвистика (Л. С. Выготский, А. Р. Лурия). Стало ясным, что языковая деятельность протекает в мозге человека, что разные виды языковой деятельности (освоение языка, слушание, говорение, чтение, письмо и др.) связаны с разными отделами головного мозга.

Следующим этапом развития проблемы соотношения языка и мышления стала психоллингвистика, в рамках которой изучались процессы порождения и восприятия речи, процессы изучения языка как системы знаков, хранящейся в сознании человека, соотношение системы языка и ее использования, функционирования (американские психолингвисты Ч. Осгуд, Т. Себеок, Дж. Гринберг, Дж. Кэррол и др., российские лингвисты А. А. Леонтьев, И. Н. Горелов, А. А. Залевская, Ю. Н. Караулов и др.).

Когнитивная лингвистика складывается в последние два десятилетия XX века, но ее предмет - особенности усвоения и обработки информации, способы

ментальной репрезентации знаний с помощью языка – был намечен уже в первых теоретических трудах по языкознанию в XIX веке.

Так, рассматривая теорию В. Гумбольдта о народном духе, А. А. Потебня признает вопрос о происхождении языка, о явлениях душевной жизни, предшествующей языку, о законах его образования и развития, о влиянии его на последующую душевную деятельность, то есть вопросом чисто психологическим. А. А. Потебня понимает, что в душевной деятельности есть понятия сильнейшие, выдвигаемые вперед, и понятия, остающиеся вдали [Потебня, 1993, с. 83]. Именно сильнейшие представления участвуют в образовании новых мыслей (закон апперцепции Гербарта). А. А. Потебня хорошо видит роль ассоциации и слияния ассоциаций в образовании рядов представлений. Разнородные представления, воспринятые одновременно, не теряя своей цельности, могут слагаться в одно целое. При слиянии два различных представления воспринимаются как одно [Потебня, 1993, с. 91].

Иначе говоря, А. А. Потебня прекрасно понимал роль языка в процессах познания нового, в процессах становления и развития человеческих знаний о мире на основе психологических процессов апперцепции и ассоциации, на основе разных по силе представлений человека о явлениях, имеющих названия в языке.

Еще более очевиден предмет когнитивной лингвистики в следующем высказывании И. А. Бодуэна де Куртенэ: «...Из языкового мышления можно выявить целое своеобразное языковое знание всех областей бытия и небытия, всех проявлений мира, как материального, так и индивидуально-психологического и социального (общественного)» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 312].

Размышления об участии языка в познании мира можно найти в трудах мыслителей разных времен и народов от античности до наших дней. Их подробные обзоры сделаны Л. Г. Зубковой [Зубкова, 2000] и Н. А. Кобриной [Кобрина, 2000].

Однако фронтальная разработка лингвокогнитивных проблем начинается лишь в последние десятилетия XX века, и основные публикации по когнитивной лингвистике приходятся на этот период.

Современная когнитивная лингвистика принадлежит к числу ряда наук, исследующих своими специфическими методами один общий предмет – когницию. В связи с этим сейчас можно говорить о существовании когнитивной науки, которая, по определению Е. С. Кубряковой, междисциплинарна и представляет собой зонтичный термин [Кубрякова, 2004, с. 7] для целого ряда наук – когнитивной психологии, когнитивной лингвистики, философской теории когниции, логического анализа языка, теории искусственного интеллекта, нейрофизиологии; «уже сложились такие дисциплины, как когнитивная антропология, когнитивная социология и даже когнитивное литературоведение, т. е. почти в каждой гуманитарной науке выделилась специальная область, связанная с применением когнитивного подхода и когнитивного анализа к соответствующим объектам данной науки» [Кубрякова, 2004, с. 10-11].

Когниция как процесс познания, отражения сознанием человека окружающей действительности и преобразования этой информации в сознании, в настоящее время в современной науке понимается расширительно – «означавший ранее просто "познавательный" или "относящийся к познанию", термин когнитивный все более приобретает значение "внутренний", "ментальный", "интериоризованный"» [Кубрякова, 2004, с. 9].

В задачи когнитивной науки «входит и описание/изучение систем представления знаний и процессов обработки и переработки информации, и – одновременно – исследование общих принципов организации когнитивных способностей человека в единый ментальный механизм, и установление их взаимосвязи и взаимодействия» [Кубрякова, 2004, с. 8-9].

Термин «когнитивная наука» был введён несколько десятилетий тому назад, чтобы обозначить определённый круг научных дисциплин, занимающихся изучением процессов приобретения, обработки, хранения, использования структур знания, а также с формированием этих структур в мозгу человека.

Когнитивная лингвистика направление, в центре познания которого находится язык как общий когнитивный механизм. В сферу жизненных интересов когнитивной лингвистики входят «ментальные» основы понимания и редуцирования речи с точки зрения того, как структуры языкового знания представляются («репрезентируются») и участвуют в переработке информации. Задача когнитивной лингвистики – определить, каковы «репрезентации» знаний и процедуры их обработки. Обычно полагают, что репрезентации и соответствующие процедуры организованы модульно, а потому подчинены разным принципам организации [Демьянков, 1994:21].

Таким образом, когнитивная лингвистика – одно из направлений междисциплинарной когнитивной науки.

В отличие от других дисциплин когнитивного цикла, в когнитивной лингвистике рассматриваются те, и только те когнитивные структуры и процессы, которые свойственны человеку как *homo loquens*. А именно, на первом плане находятся: системное описание и объяснение механизмов человеческого усвоения языка и принципы структурирования языковых

знаний [<http://www.krugosvet.ru/stat89/conc09>].

В связи с этим когнитивная лингвистика решает ряд задач:

- 1) репрезентация ментальных механизмов освоения языка и принципов их структурирования;
- 2) когнитивные механизмы продуцирования;
- 3) когнитивный механизм восприятия.

Центральная задача когнитивной лингвистики – описание и объяснение внутренней когнитивной структуры и динамики говорящего-слушающего. Говорящий-слушающий рассматривается как система переработки информации, состоящая из конечного числа самостоятельных компонентов (модулей) и соотносящая языковую информацию на различных уровнях. Цель когнитивной лингвистики – исследование системы и установление важнейших её принципов, а не только систематическое отражение явлений языка. Для когнитивиста важно понять, какой должна быть ментальная репрезентация языкового знания и как это знание «когнитивно» перерабатывается, т. е. какова «когнитивная действенность» [Демьянков, 1994:22].

На сегодняшний день, когнитивная лингвистика является неотъемлемой частью лингвистической науки. И, как и у любой другой науки, у когнитивной лингвистики есть свой терминологический «инвентарь» [Рудакова, 2002:23].

В следующем параграфе будут рассмотрены термины, составляющие основу когнитивной лингвистики.

I.2. Понятия «концепт» и «концептосфера»

В последние десятилетия понятия концепта и концептосферы активно вошли в научный обиход. Понятие «концепт» занимает центральное место в когнитивной лингвистике, лингвокультурологии и ряде других наук. На современном этапе развития наук данный термин активно разрабатывается в связи с повышением интереса к природе мыслительной деятельности человека. Несмотря на то, что проблема концепта, поднятая еще в 70-х годах XX века, не утратила своей привлекательности, она недостаточно разработана. Данное понятие неоднозначно воспринимается исследователями вследствие неограниченности рамок, в которые мог бы заключаться его предел, поэтому концепт воспринимается как неуловимое мелькание, трудно поддающееся определению.

Многообразие определений позволяет взглянуть на это понятие с разных точек зрения.

Пользуясь определением Д.С. Лихачева, концепт есть «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Лихачев, 1993: 270], сделаем вывод, что концепт выражается некими образами, возникающими в процессе того или иного явления.

По мнению же лингвиста П.В. Чеснокова, концепт – это «единица мышления, обладающая отдельным целостным содержанием и реально не разлагающееся на более мелкие мысли ...» [Чеснокова, Рудакова, 2002: 20].

М.А. Холодная дает следующее определение концепта – это «познавательная психическая структура, особенности организации которой,

обеспечивают возможность отражения действительности в единстве разнокачественных аспектов». [Холодная 2006:13]

Исходя из определения лингвиста Р. Павилениса, концепт есть «смыслы, составляющие когнитивно-базисные подсистемы мнения и знания» [Павиленис Р., 2002: 21].

Для А. Вежбицкой концептом является «объект из мира «идеальное», имеющий имя и отражающий культурно-обусловленное представление о мире «действительности» [Вежбицкая Рудакова, 2002: 22].

Обратимся к точке зрения А.П. Бабушкина. Он утверждает, что концепт – это ничто иное как «ментальная репрезентация, которая определяет, как вещи связаны между собой» [Бабушкин, Воронеж, 1996: 41].

Что касается лингвиста Е.С. Кубряковой, то она считает, что концепт – это «единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова 2004:20].

Анализируя вышерассмотренные определения, можно сделать вывод, что не существует единого фиксированного определения «концепта», что вероятнее всего обусловлено «размытостью, произвольностью его употребления, смешением с близкими по значению или языковой форме терминами» [Рудакова, 2002: 24], а также что процесс восприятия концепта в целом или какого-либо явления зависит от особенности и структуры человеческого сознания.

В.А. Маслова, предлагая принять за рабочее, дает следующее определение концепта: «это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры. Но в то же время - это некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности»

[Маслова, 2006: 41].

Таким образом, концепт, опосредственно возникая из значения слова, является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека.

Нельзя не согласиться с мнением И.А. Стернина, что сознание связано со статическим аспектом, а мышление – с динамическим, потому как мышление – это деятельность мозга, результат, которым и является возникновение образов и концептов [Стернин, 2002: 26].

Не может быть оставлена без внимания и сущность формирования концепта. Концепт отдельной личности формируется постепенно и в процессе жизни претерпевает некоторые изменения, обрастает концептуальными знаками. Н.Н. Болдырев в работе «Когнитивная семантика» предложил перечень способов формирования концепта в сознании человека.

По его мнению, наиболее существенным является «сенсорный опыт», то есть восприятие действительности посредством органов чувств. Следующий способ связан с определенной деятельностью человека. Немаловажную роль в данном перечне играет языковое общение личности, то есть концепт может быть сообщен человеку в языковой форме. И завершающим способом в данном перечне является способ самостоятельного познания значений концептов человеком [Болдырев. Тамбов 2001-12].

Итак, по мнению Д.С. Лихачева, «концепт тем богаче, чем богаче национальный, сословный, классовый, профессиональный, семейный и личный опыт человека, пользующегося концептом. В совокупности потенции, открываемые в словарном запасе отдельного человека, как и всякого языка в целом мы можем называть концептосферами» [Лихачев, 1993: 282].

Само понятие «концептосфера» является одним из центральных понятий когнитивной лингвистики.

Концептосфера образуется всеми потенциями концептов носителей языка. Чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера языка [Лихачев, 1997: 5].

Национальная концептосфера складывается из совокупности индивидуальных, групповых, классовых, национальных и универсальных концептов, то есть концептов, имеющих общечеловеческую ценность.

Вся совокупность значений, передаваемых языковыми знаками данного языка, образует семантическое пространство данного языка.

Семантическое пространство языка и концептосфера однородны по своей природе, это мыслительные сущности. Разница между языковым значением и концептом состоит лишь в том, что языковое значение – квант концептосферы – прикреплено к языковому знаку. Концепт как элемент концептосферы с конкретным языковым знаком не связан. Он может выражаться многими языковыми знаками, их совокупностью, а может и не иметь представленности в системе языка, а существовать на основе альтернативных знаковых систем, таких как жесты и мимика, музыка и живопись, скульптура и танец и др. [Попова, Стернин, 2001: 88 – 89].

Сопоставление семантических пространств разных языков позволяет увидеть общечеловеческие универсалии в отражающего людей мира, и в то же время выявляет специфическое, национальное, а затем и групповое, и индивидуальное в наборе концептов и их структуризации.

Ученые обращают внимание на то, что не следует путать понятия «концептосферы» и «менталитета». Национальный менталитет – это национальный способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов нации, т.е. ее концептосферой. Концептосфера – область знаний народа – определяет его менталитет (особенности восприятия и понимания действительности), который внешне проявляется в поведении людей, в особенностях их коммуникативной деятельности. Со своей стороны, и менталитет направляет динамику концептосферы. Несмотря на тесную связь, менталитет и концептосфера – разные сущности, и их изучение требует разных методов и подходов [<http://www.ru.wikipedia.org>].

Менталитет – одна из форм репрезентации концептосферы и лишь один из источников ее формирования. Концептосфера – лишь один из источников народного менталитета. Менталитет взаимодействует также с национальным характером, с коммуникативным поведением, с речевым воздействием, с разными действиями людей [<http://www.longsoft.ru/html/>].

Концептосферы разных народов имеют много общего, что обеспечивает возможность переводов с одного языка на другой. Однако практика переводческой деятельности показала, что в мышлении разных народов существуют отличия не только в составе концептов, но и в способах объединения их признаков друг с другом. Подобные различия обнаруживаются

не только между концептосферами народов, но иногда и между концептосферами социальных и территориальных группировок людей, говорящих на одном языке [www.russian.slavica.org].

Известно, что в языках есть лакуны – отсутствие лексем для тех или иных концептов, а также есть безэквивалентные единицы – единицы, присущие только данной языковой системе и отсутствующие в других языковых системах.

Безэквивалентные единицы свидетельствуют о наличии национального концепта. Лакуна – отсутствие лексемы при наличии концепта и семемы в лексико-семантической системе языка. Есть и иллогизмы [Быкова Г.В. Воронеж 2000, с.183] – отсутствие лексем и семем при наличии концепта. Иллогизмы обусловлены отсутствием потребности в предмете. Таким образом, безэквивалентная лексика сигнализирует об отсутствии концепта в концептосфере народа, а лакуны и иллогизмы – об отсутствии лексем или лексем и семем.

Итак, концептосфера – область мыслительных образов, составляющих знания людей.

Семантическое пространство языка – часть концептосферы, получившая средства выражения в системе языковых знаков – слов, фразеосочетаний, синтаксических структур.

Менталитет – специфический способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов сознания, характерных для определенной личности, социальной или этнической группы людей [Рудакова, 2002: 54 – 56].

Лингвист С.А. Аскольдов, являясь одним из основоположников определения «концепта», подразделяет его на два типа: познавательный (в области науки) и художественный (в области искусства). Вместе с тем подобное разделение не является абсолютным. По мнению философа, концепты разных типов сближает между собой медиум, при помощи которого они выражаются, - абстрактное, обобщенное и конкретно-чувственное, индивидуальное слово. Автор подчеркивает, что “концепты познавательного характера только на первый взгляд чужды поэзии” [Аскольдов, 2002: 84].

Рассматривая познавательные концепты, С. Аскольдов подчеркивает их схематизм, понятийную природу. Характеризуя концепт как понятие, он выделяет проблему точки зрения [Аскольдов, 2002: 86 – 87]. Познавательные концепты замещают, обрабатывают область замещаемых явлений с единой и притом общей точки зрения. Понятие восходит к единой точке зрения, связанной с единством родового начала. Единство родового начала связано с единством сознания.

Хотя и лишенные логической устойчивости, «художественные концепты» также заключают в себе некую общность [Аскольдов, 2002: 84].

Выводы по I главе

В настоящей главе мы рассмотрели основы когнитивной лингвистики, такие понятия как «концепт» и «концептосфера». Когнитивная лингвистика - новый этап изучения сложных отношений языка и мышления.

Начало такому изучению положили нейрофизиологи, врачи, психологи. На базе нейрофизиологии возникла нейролингвистика.

Следующим этапом развития проблемы соотношения языка и мышления стала психолингвистика, в рамках которой изучались процессы порождения и восприятия речи, процессы изучения языка как системы знаков, хранящейся в сознании человека, соотношение системы языка и ее использования, функционирования

Фронтальная разработка лингвокогнитивных проблем начинается лишь в последние десятилетия XX века, и основные публикации по когнитивной лингвистике приходятся на этот период.

Современная когнитивная лингвистика принадлежит к числу ряда наук, исследующих своими специфическими методами один общий предмет – когницию. Когниция - процесс познания, отражения сознанием человека окружающей действительности и преобразования этой информации в сознании. В задачи когнитивной науки «входит и описание/изучение систем представления знаний и процессов обработки и переработки информации».

Когнитивная лингвистика направление, в центре познания которого находится язык как общий когнитивный механизм. В сферу жизненных интересов когнитивной лингвистики входят «ментальные» основы понимания и редуцирования речи с точки зрения того, как структуры языкового знания представляются («репрезентируются») и участвуют в переработке информации. Задача когнитивной лингвистики – определить, каковы «репрезентации» знаний и процедуры их обработки.

Существуют различные определения концепта: концепт – это «единица мышления, обладающая отдельным целостным содержанием и реально не разлагающееся на более мелкие мысли ...»; концепт – это «познавательная психическая структура, особенности организации которой, обеспечивают возможность отражения действительности в единстве разнокачественных

аспектов»; концепт есть «смыслы, составляющие когнитивно-базисные подсистемы мнения и знания»; концепт - «объект из мира «идеальное», имеющий имя и отражающий культурно-обусловленное представление о мире «действительности»; концепт – это ничто иное как «ментальная репрезентация, которая определяет, как вещи связаны между собой»; концепт – это «единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике».

Мы в настоящей диссертации принимаем за основу определение предложенное В.А. Масловой - концепт: «это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры. Но в то же время - это некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности» [Маслова, 2006: 41].

Таким образом, концепт, опосредованно возникая из значения слова, является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека.

Концепт отдельной личности формируется постепенно и в процессе жизни претерпевает некоторые изменения, обрастает концептуальными знаками.

Концепт может быть сообщен человеку в языковой форме. И завершающим способом в данном перечне является способ самостоятельного познания значений концептов человеком: «концепт тем богаче, чем богаче

национальный, сословный, классовый, профессиональный, семейный и личный опыт человека, пользующегося концептом. В совокупности потенции, открываемые в словарном запасе отдельного человека, как и всякого языка в целом мы можем называть концептосферами».

Само понятие «концептосфера» является одним из центральных понятий когнитивной лингвистики.

Концептосфера образована всеми потенциями концептов носителей языка. Чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера языка.

Национальная концептосфера складывается из совокупности индивидуальных, групповых, классовых, национальных и универсальных концептов, то есть концептов, имеющих общечеловеческую ценность.

Глава II. Моделирование концепта и дискурса

II. 1. Концепт как лингвокогнитивное понятие

Современная лингвистика характеризуется расширением области исследования. До середины XX века в лингвистике считалось вполне приемлемым рассматривать язык как некую абстрактную сущность (примером может служить структурная лингвистика). В 60-х г.г. XX в. сложилось мнение, что есть разграничения между языковой компетенцией и употреблением языка. Это было связано с радикальными переменами (когнитивной революцией), произошедшими в американской науке в послевоенные годы.

Некоторые исследователи говорят о "новой реальности" в когнитивно-ориентированной парадигме современного языкознания, которой являются "ментальные образования" - концепты, составляющие категориальную основу всей человеческой деятельности, и, прежде всего, языка"[Попова 2001:96; Чарыкова 1998:26-27; Ченки 1996, N 68-70]

Общеизвестно, что современное понимание языка с когнитивных позиций не является принципиально новым: предтечами, прообразами концептов стали учение Платона об идеях, "ментальные слова" Блаженного Августина, "метки" – личные знаки и общественные знаки Гоббса, локковское истолкование познавательного процесса как "понимания вещей" и "передачи знания" и т.д. Размышления о соотношении языка и познания, об источниках знания и процессах его достижения присутствуют в трудах учёных с древнейших времён. [Берестнев Г. И. 1997, с.47].

Особо следует выделить лингвофилософские концепции В.Гумбольдта, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Л.Вейсгербера, Э.Сепира, Б.Уорфа, где

уже был намечен *предмет* будущей когнитивной лингвистики – усвоение и обработка информации с помощью языковых знаков.

В. фон Гумбольдт впервые ввёл в лингвистику идею об определяющем влиянии языка на мышление народа: "Язык есть орган, образующий мысль". "Национальное мировоззрение", "народный дух", по Гумбольдту, способны объяснить различие человеческих языков [Гумбольдт В., 2000:106].

Как было сказано выше, в рамках психологического направления, А.А.Потебня объясняет процессы апперцепции и ассоциации: в душевной деятельности есть понятия сильнейшие, и понятия, остающиеся вдали. По закону апперцепции Герберта, сильнейшие представления участвуют в образовании новых мыслей. А. А. Потебня считал, что "язык есть ... форма мысли ..."; языки различны между собой всем строем мысли, выразившимся в них. [Потебня А..А.. Киев, 1993, с.21]

Американская этнолингвистика (Ф.Боас, Э.Сепир, Б.Уорф) актуализирует влияние языка на мышление, мировоззрение и поведение. По Б.Уорфу, языки расчленяют мир по-разному, о чём гласит "новый принцип лингвистической относительности": сходные физические явления позволяют создать сходную картину мира только при сходстве или, по крайней мере, при соотносительности языковых систем [Уорф Б.Л. Вып. 1. - М., 1960: 34].

Более детальное рассмотрение поднятых проблем осуществилось во второй половине XX века. Благодаря трудам учёных разных специальностей (психологов, логиков, философов, лингвистов, программистов, философов и др.), в это время зарождается антропоцентрическая парадигма научного знания, легшая в основу когнитивной науки.

Как было сказано выше, центральным понятием когнитивной науки является когниция, представляющая собой не только процесс познания, но и результаты знания, информацию, полученную в итоге. В общефилософском

плане когниция, познавательная деятельность человека "сопряжена с необходимостью выделения объектов через их отличие от других объектов. [Зубкова, Л.Г. Т. 2000, с.176-180; Павилёнис, Р.И. М.1983, с.103].

Как было сказано в 1 параграфе, когнитивная лингвистика возникает как наука, призванная ответить на те же вопросы, которые стоят перед когнитивной наукой, только в непосредственной связи с языком. Одной из центральных проблем когнитивной лингвистики является "проблема зависимости строения и организации языка (как в его генезисе, так и в его реальном синхронном состоянии и функционировании) от общих принципов восприятия мира человеческим сознанием".

В отличие от традиционной теоретической лингвистики, специфика когнитивной лингвистики как самостоятельного научного направления состоит в том, что от простого описания языковых явлений она обращается к осмыслению роли человека и его сознания в организации системы языка и её функционировании в речи. Большинство учёных сходятся во мнении, что под термином "когнитивная лингвистика" в узком смысле понимается группа теоретических подходов, обычно связанных с именами конкретных авторов, которые признают, что:

- язык – это неотъемлемая часть познания;
- язык отражает взаимодействие между психологическими, коммуникативными и культурными факторами.

Так, репрезентация концепта (как знания и представления о чем-либо) в языке осуществляется при помощи языкового знака (от лексемы до текста и далее - дискурса), который обладает определённым значением. [Харитончик З.А. 1992 : 31].

В соответствии с когнитивной интерпретацией значения, основанной на теории прототипов Э. Рош, представлениями о полевой организации единиц

языка (В. Г. Адмони, А. В. Бондарко, Г.С. Щур), предполагается, что и концепт может получить полевое описание: в терминах ядра и периферии. Как единица структурированного знания, концепт имеет определённую, но не жёсткую организацию: он состоит из компонентов (концептуальных признаков), которые образуют концептуальные слои. При сопоставлении вербализаций концепта можно выявить содержание его как единицы мышления, то есть, рассматривая значение слова, "мы изучаем структуру мышления". [1. Кубрякова Е.С. М.1992 : 103]. По её мнению, полная репрезентация концепта с помощью языковых средств невозможна, поскольку:

- концепт – это результат индивидуального познания, обобщения, категоризации;

- концепт представляет собой нежёсткую структурированную объёмную единицу, целиком её выразить невозможно;

- ни один лингвистический анализ средств языковой и речевой репрезентации концепта не может претендовать на абсолютную полноту.

К тому же концепт может и не иметь словесного выражения, поскольку языковые знаки называют далеко не всё, что есть в сознании человека, они только дают нам представление о действительности и необходимы для сообщения концепта.

Общим основанием разнообразных методов анализа концептов является использование двух основных подходов, актуализирующих логическое – «от смысла к языку» и семантико-когнитивное - «от языка к смыслу» направление анализа.

Логический подход предполагает, что для выбранного концепта подбираются все возможные языковые средства его выражения, которые затем и анализируются.

Семантико-когнитивный подход предполагает изучение семантики слова, выявление семантических признаков, которое оно способно представить в процессе употребления. По этому набору семантических признаков реконструируется соответствующий лексический или лексико-фразеологический концепт. Однако этот подход не всегда даёт те же результаты, которые получены логическим путём. Оба подхода имеют свою ценность и дополняют друг друга. Во многих исследованиях используется оба подхода. [Попова, З.Д., Стернин И.А.-М.2006, с. 65; – М.2007,с.100; Попова, В., 2001, с.96].

Семантико-когнитивный подход позволит получить представление о содержании концепта в сознании носителей языка, т.е. моделирование того или иного концепта позволяет определить уровень его освоенности в национальной картине мира и степень «представленности» в семантическом пространстве языка.

Сапрыкина В.И. предлагает следующие этапы: прежде всего исследование концепта сводится к анализу его структуры. В структуре концепта выделяют ядро и интерпретационное поле, представленное периферией концепта. В процессе анализа эти компоненты необходимо дифференцировать, поскольку их статус и роль в структуре сознания и в процессах мышления различны. Рассмотрим отдельные этапы лингвокогнитивного анализа.

На первом этапе анализа выявляются языковые единицы базовой вербализации концепта в языке. Основанием для выделения ключевых слов-репрезентантов считают частотность их употребления в речи, многозначность объективирующей концепт лексемы. Семантика ключевой лексемы, называющей концепт, лучше всего отражает ядро концепта. Для построения семантемы ключевого слова выявляются все семемы, которые оно способно

обозначить (анализ словарных толкований ключевого слова). Для выявления структуры семантемы изучаются словарные толкования этой лексемы, а также примеры из текстов. [Сапрыкина В.И. В., 2008 : 2].

Важным для лингвокогнитивного исследования является различение концепта и языкового значения, поскольку концепт – это мыслительная категория, объективировать которую можно посредством исследования значений лексических единиц.

Значение передаёт определённые признаки концепта, является его своеобразной проекцией в семантической системе, семантическом пространстве языка. В определении и анализе значения слова и его компонентов мы опираемся, вслед за В. И. Сапрыгиной, на теорию значения слова, принятую в Воронежской лингвистической школе. Эта теория основана на отношении значения слова к предметам и явлениям реальной действительности и исходит из учения В.В.Виноградова [Виноградов В.В. ВЯ – 1954 – № 1 – С. 8-16.].

Следующим этапом лингвокогнитивного анализа является построение лексической группировки, а именно лексико-семантического поля (ЛСП) и лексико-фразеологического поля (ЛФП).

Понятие поля в лингвистике связано с формированием представлений о системности языка, о лексико-семантической системе языка (М. М. Покровский, Л. Вайсгербер, Й. Трир, В. Порциг, Г. Ипсен, Ф. П. Филин, и др.). Одним из методов изучения лексико-семантической системы языка является полевой метод, основанный на "изучении объекта с помощью приёмов, наиболее адекватно отражающих его структурные свойства". [Кобрина, Н.А. Т., 2000. с.170-175].

Под ЛСП принято понимать систему, характеризующуюся специфической структурой – наличием ядра и периферии; способ

существования и группировки лингвистических элементов с общими инвариантными свойствами.

Когнитивная лингвистика использует данные сопоставления языков для формирования представления о концепте, существующем в сознании. [Попова ук. раб. с.71], по её мнению, сопоставительный анализ лексико-семантических, лексико-фразеологических полей разных языков дает обширный материал для лингвокогнитивного анализа. В частности, сопоставительными методами выявляется, каковы особенности структуризации полей, и какие когнитивные классификаторы действуют в рамках одноимённых полей.

Сопоставление как разновидность сравнительного изучения языков имеет в языкознании богатую традицию, но понятие метода сопоставления в науке долго не существовало. Идея его была теоретически обоснована И.А.Бодуэном де Куртенэ, однако как лингвистический метод с определёнными принципами (описание языка через системное сравнение с другим языком, установление контраста между языками), он стал формироваться в 30-40 г.г. XX в. (исследования Е.Д.Поливанова, Л.В.Щербы, Ш.Балли).

Сопоставительный метод лёг в основу контрастивной лингвистики, где получил название контрастивного анализа, цель которого - в сопоставлении межъязыковых соответствий двух языков для выявления их различий. В русле типологического изучения языков сопоставительный метод позволяет установить общие для языков черты, выявить лингвистические универсалии отдельного человека или целого народа; для выявления национальной специфики того или иного концепта, его значимости в национальной культуре. Завершающий этап лингвокогнитивного исследования – когнитивная интерпретация полученных данных языкового анализа, результатом которого является моделирование структуры концепта, определение национальной специфики концепта. Модель концепта включает в себя описание ядерных

когнитивных слоёв, когнитивных признаков; описание интерпретационного поля, содержащего оценки и трактовки содержания ядра концепта национальным, групповым и индивидуальным сознанием.

Исследованиям в области когнитивных аспектов языка посвящено значительное число работ в современном языкознании, однако парадигма исследований ещё окончательно не сложилась, о чём свидетельствует появление разных подходов и точек зрения, в том числе и на определение самой науки и её задач.

II.2. Дискурс как лингвистическое понятие

В современной науке очень часто используется термин «дискурс». Понятие «дискурс» происходит от французского слова «discours», что обозначает «речь».

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» оно толкуется довольно широко: «связанный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [ЛЭС М 1990:22].

Дискурс как термин активно функционирует в научном обиходе многих дисциплин. Причем, мало кто оговаривает свое понимание термина, предоставляя, таким образом, читателю или слушателю возможность разобраться во всем самому. Однако не всегда синтез фоновых знаний и конкретного контекста приводит к однозначному понятию того, что стоит за словом «дискурс».

Нас же интересует лингвистика. Но лингвистические понимания дискурса достаточно многочисленны, а за некоторыми из них стоят сложные, хорошо усвоенные научной мыслью концепции (Ф.Соссюр, Фуко, Маас. Бенвенист, Бюиссанс, французская школа анализа дискурса – Пеше, Серио). Даже беглый обзор этих концепций – сложная задача, поэтому рассмотрим только те положения лингвистов, которые представляются наиболее важными для нашего исследования.

Дискурс, по Фуко, выступает как часть «дискурсивной практики» - совокупного множества разнообразных сфер человеческого познания. Это «совокупность анонимных, исторических, детерминированных всегда временем и пространством правил, которые в данной эпохе и для данного социального, экономического, географического или языкового окружения определили условия воздействия высказывания» [Чернявская, 2006: 22].

Так, Фуко определяет дискурс как «множество высказываний, принадлежащих одной формации» [Foucault M., 1969: 288 p.].

При этом высказывание, по Фуко, - это не вербальное высказывание, не лингвистически определяемая последовательность знаков, но сегмент человеческого знания, структурная часть его знания и одновременно соответствующей дискурсивной практике. Интерес и цель дискурсивного анализа заключается в том, чтобы определить историческое место каждого высказывания, теории, текста, каждой новой идеи – т.е. каждого дискурсивного события; показать и объяснить, «почему имеет место определенное высказывание и никакое другое на его месте» [Чернявская, 2006: 23].

Идеи М. Фуко стали стимулом и предпосылкой для последующих разработок в этом направлении. Они были заимствованы немецкой школой дискурсивного анализа, связанной в первую очередь с именами немецких ученых Утца Мааса, Юргена Хабермаса. Концепция дискурса развивается в их трудах преимущественно как концепция литературоведческая.

Маас выделяет следующие концептуальные положения для теории дискурса. Любой текст является частью и выражением общественной практики, которая уже определяет массу других возможных текстов. При этом анализ текста становится идеологически ориентированным анализом дискурса,

который выступает как соответствующая языковая формация по отношению к социальной и исторически определяемой общественной практике [Чернявская, 2006: 23].

Патрик Серио называет 8 значений слова «дискурс», из которых интересны следующие.[Ceriot P.:34] .

- 1) «речь» в сосюрловском смысле, т.е. любое конкретное высказывание;
 - 2) в рамках теории высказывания или прагматики – воздействие высказывания на получателя и его внесение в «высказывательную» ситуацию (что подразумевает субъекта высказывания, адресата, момент и определенное место высказывания);
 - 3) обозначение системы ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции (например: «феминистический дискурс», «административный дискурс»).
- [www.philology.ru/]

Приведенные суждения сходны в том, что рассматривают дискурс как особые языковые формации, коррелирующие с той или иной областью общественной практики, человеческого познания и коммуникацию.

Проблемы анализа дискурса нашли свое эффективное развитие в традициях различных школ. Характерной особенностью для школы Анализа Дискурса является его социологическая и идеологическая направленность. Волошинов дал следующую характеристику речевому взаимодействию как основной реальности языка:

- язык как устойчивая система нормативно-тождественных форм есть только научная абстракция;
- язык есть непрерывный процесс становления, осуществляемый социальным речевым взаимодействием говорящих субъектов;
- законы языкового становления не могут быть отделены от деятельности коммуникантов;
- структура высказывания является чисто социальной структурой.

Основными составляющими дискурса выступают адресант, адресат и коммуникативная ситуация. Различая «говорящего» и «субъект высказывания», можно сказать, что говорящий существует реально и при этом он говорит, а субъект высказывания «приобретает существование только потому и только тогда, когда он говорит. Он образуется в акте высказывания и не существует до этого акта».

П. Серио подчеркивает, что предметом исследования анализа дискурса служит не столько сама по себе дискурсная формация, сколько границы ее образования, поскольку идентификация дискурсных формаций не является заданной, она образуется в процессе речевой интеракции. [Ceriot P. :40].

Сам же процесс высказывания не развивается по линии намерения, замкнутого на своем собственном желании, как это утверждалось бы в прагматике или в персоналистском толковании высказывания, он насквозь пронизан угрозой смещения смысла. Семантическая единица не может образовываться как постоянная и однородная проекция «коммуникативного намерения». Речь идет о специфических ограничениях, которые уменьшают выбор того, что можно сказать.

Следовательно, в рамках анализа дискурса интерес представляет вопрос о приемах интерпретации, что связывается с проблемой смысла. Дискурс не

является простой суммой фраз, при его рождении происходит разрыв с грамматическим строем языка.

Многие лингвисты считают, что в связи с тем, что «анализ дискурса находится на пересечении разных дисциплин, ему присущ особый подход к проблеме смысла».

Анализ дискурса опирается на эти две материальные основы: «...с точки зрения архива смысл складывается из максимального разнообразия содержащихся в нем текстов, специфических механизмов архива, зависящих от темы, события, маршрута. Архив позволяет не увеличивать количество смыслов текста, а, напротив, детерминировать смысл, вводя ограничения в описание семантики высказывания.

Определяя область социологического исследования в анализе дискурса, М. Пеше вводит контент-анализ в теорию дискурса. Он подчеркивает, что выявление «принципа двойного различия» позволяет определить одновременно «доминирующий дискурсный процесс» и «таящиеся в нем лакуны через соотношение с другими процессами, отвечающими другим условиям порождения». [Пеше М., 1999].

Практическое представление контент-анализа выглядит следующим образом: важно не столько «содержание» интервью, которое руководитель предприятия дает социологу, сколько сопоставление того, что он при этом говорит, с тем, что он говорит и что делает в других случаях, т.е. с другими дискурсными ролями, эффекты которых могут проявляться в других ситуациях.

Приведенные суждения сходны в том, что рассматривают дискурс как особые языковые формации, коррелирующие с той или иной областью общественной практики, человеческого познания и коммуникацию.

В России термин «дискурс» не используется на протяжении долгого времени, вплоть до конца XX века. Постсоветская традиция актуализировала термин во всей его многозначности, что поставило современных исследователей перед необходимостью уточнения и разграничения значений. В современных исследованиях под дискурсом понимают и «речь, погруженную в жизнь» [Н.Д. Арутюнова 1987:44] и движение информационного потока между участниками коммуникации. Эти точки зрения не исключают, а скорее, дополняют друг друга: представление о процессах порождения и понимания текста невозможно без опоры на коммуникативную ситуацию; представление о дискурсе как процессе опирается и на мнение французских исследователей о ведущей роли субъекта высказывания.

Также дискурс рассматривается как совокупность речемыслительных действий коммуникантов, связанная с познанием, осмыслением и презентацией мира говорящим и осмыслением, реконструкцией языковой картины мира продуцента рецепиентом [Чернявская, 2006: 27].

Всякий литературный текст оказывается лишь одним из звеньев непрерывающегося социально-литературного дискурса и требует к себе подхода в логике дискурс-анализа. На уровне дискурса происходит обогащение текста (как естественной, так и литературной коммуникации) характеристиками, которые обусловлены экстралингвистическими факторами, усиливающими в первую очередь прагматическую открытость текста и превращающими процессуальность из имманентного признака текста в дифференциальную черту дискурса. Дискурс – это текст как когнитивное событие (содержащее определенный «концепт действительности», систему «концептуально-смысловых установок», которые включают в себя и

индивидуальные, и исторические, и общественные знания) и, одновременно, коммуникативное событие, «погруженное в жизнь», и автора, и читателя, и общества в целом.

При рассмотрении в логике дискурс-анализа вытекает и такое универсальное свойство художественного текста как *диалогизм*. Идеи М.М. Бахтина по этому поводу являются актуальными до сих пор: «Быть – значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, все кончается. Поэтому диалог в сущности и не должен кончиться. [Бахтин М.1975,с.523] Все – средство, диалог – цель. Один голос ничего не кончает и ничего не разрешает». [Бахтин М.1975,с.524]

Диалогизм пронизывает и охватывает все стороны литературной коммуникации и художественного текста как наиболее совершенной формы творческой ментально-речевой деятельности людей. Без учета диалогического взаимодействия между автором и читателем невозможно рассмотрение такой характеристики как *суггестивность*. В значении самого слова уже заложена сема диалога сознаний, стремление автора соединить собственное поэтическое переживание с воздействием на читателя, стимулируя последнего к сопереживанию, к размышлениям определенного плана.

В теории диалогизма литературного произведения М.М. Бахтина, как считает Гончарова, особую значимость приобретают «индивидуализированное языковое сознание» и «воля» персонажа, способные создать в прозаическом литературном тексте «внутреннюю диалогичность слова». По мнению М.М. Бахтина, «завоевывается новая авторская позиция, лежащая выше монологической позиции» [Гончарова, 2007: 7-14].

Наиболее правомерная авторская позиция, как представляется, не стремление навязать читателю свои идеи и представления, а внушить, подвести к восприятию определённых ценностей, ориентиров, которые сам автор считает важными.

Автор использует в произведении собственную шкалу ценностей, характеризующие его как «культурно-языковую» личность. Семиметрия как прием семантического аксиологического анализа направлена на интерпретацию конкретного содержания структур, опознаваемых в качестве маркеров ценностного отношения, по данным избранного смыслового пространства в его конкретной авторизации и определенном целеполагании [Серебренникова 2006: 91; 2008: 49-61]. Под семиметрическим подходом при анализе авторского произведения понимается выделение определенных текстовых структур, используемых в архитектонике произведения для выражения социальных и личностных смыслов.

Поиск интерпретации глубинного содержания, не эксплицированного в основном тексте, находит свое отражение в появлении в околотекстовом пространстве ряда образований, которые позиционируют самого автора и формируют вектор оценивания (*appréciation*) – «от себя к миру» (к читателю-адресату). Индивидуальный и социальный опыт писателя, позволил, на наш взгляд, выделить доминантные, важные ценности того времени.

Таким образом, анализ дискурса, включающий в свой понятийный аппарат категорию дискурсивной формации, предполагает проведение исследований как на основе учета идеологических, социологических, так и культурологических различий.

Следовательно, интегративный характер решения проблемы смысла четко показывает, что в итоге понимание смысла авторами школы анализа дискурса есть синтез уже существующих представлений по данному вопросу.

Выводы по II главе

В настоящей главе мы рассмотрели концепт как лингвокогнитивное понятие, методы моделирования концепта в лингвокогнитивном исследовании, а также лингвистическое понятие дискурса.

Исследование концепта сводится к анализу его структуры. В структуре концепта выделяют ядро и интерпретационное поле, представленное периферией концепта.

Лингвокогнитивный анализ состоит: 1) из выявления языковых единиц базовой вербализации концепта в языке, т.е. ключевых слов-репрезентантов считают частотность их употребления в речи; 2) на базе семантики ключевой лексемы, называющей концепт выявление ядра концепта; 3) построение лексической группировки, а именно лексико-семантического поля (ЛСП) и лексико-фразеологического поля (ЛФП); 4) когнитивная интерпретация полученных данных языкового анализа, результатом которого является моделирование структуры концепта, определение национальной специфики концепта.

Модель концепта включает в себя описание ядерных когнитивных слоёв, когнитивных признаков; описание интерпретационного поля, содержащего оценки и трактовки содержания ядра концепта национальным, групповым и индивидуальным сознанием.

Рассмотрев многочисленные формулировки термина «дискурс», мы, в нашей работе, базируемся на концептуальном положении о том, что любой

текст является частью и выражением общественной практики, которая уже определяет массу других возможных текстов. При этом анализ текста становится идеологически ориентированным анализом дискурса, который выступает как соответствующая языковая формация по отношению к социальной и исторически определяемой общественной практике. Это особая языковая формация, коррелирующая с той или иной областью общественной практики, человеческого познания и коммуникацию.

Дискурс – это текст как когнитивное событие (содержащее определенный «концепт действительности», систему «концептуально-смысловых установок», которые включают в себя и индивидуальные, и исторические, и общественные знания) и, одновременно, коммуникативное событие, «погруженное в жизнь», и автора, и читателя, и общества в целом.

При анализе дискурса важно не столько его содержание, сколько эффекты которых могут проявляться в других ситуациях

При рассмотрении в логике дискурс-анализа вытекает и такое универсальное свойство художественного текста как диалогизм, охватывающий все стороны литературной коммуникации и художественного текста как наиболее совершенной формы творческой ментально-речевой деятельности людей и суггестивность, как, стремление автора соединить собственное поэтическое переживание с воздействием на читателя, стимулируя последнего к сопереживанию, к размышлениям определенного плана.

ГЛАВА III. ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ ПРОИЗВЕДЕНИЯ АНРИ ТРУАЙЯ

III.1. Особенности художественного концепта

Художественный концепт С.А. Аскольдов определяет следующим образом: «Слово, - говорит он, - не вызывая никаких «художественных образов» создает художественное впечатление, имеющее своим результатом какие-то духовные обогащения» - то есть, слово создает концепт [Аскольдов М. 1997, с. 269]. Художественные концепты диалогичны, поскольку связаны с множеством одновременно значимых точек зрения. Порождающее и воспринимающее сознание в этом смысле равноценны. Композитор, художник, писатель не могут существовать без читателей, слушателей или зрителей. Конечно, художник может адресовать свои творения зрителям и слушателям потенциальным, “лазеечным” [Бахтин М. 1975, с.121], удаленным от него во времени и пространстве. Однако восприятие концептов представляет собой вариант их нового порождения. Опираясь на идеи С. Аскольдова, можно сказать, что создание и восприятие концептов — двухсторонний коммуникативный процесс. В ходе коммуникации создатели и потребители концептов постоянно меняются местами.

Согласно лингвисту С.А. Аскольдову, художественные концепты заключают в себе “неопределенность возможностей”. Их заместительные способности связаны не с потенциальным соответствием реальной действительности или законам логики. Концепты этого типа подчиняются особой прагматике “художественной ассоциативности”. Художественные концепты образны, символичны, поскольку то, “что они означают, больше

данного в них содержания и находится за их пределами” [Аскольдов, 2002: 91]. Эту символичность С.А.Аскольдов называет «ассоциативной запредельностью». Как представляется под «ассоциативной запредельностью» имеется в виду «чужое сознание», «сознание другого», «услышанность» по М. Бахтину.

В статье С.А. Аскольдова на разных уровнях варьируется одна и та же мысль: концепт символичен, динамичен, потенциален. Порожденные создателем, концепты растут, развиваются, отторгаются, искажаются в восприятии. Возникающие цепочки “своих” и “чужих” концептов имеют контекстуальный смысл. Аскольдов подчеркивает, что “иногда цепь этих образов направлена совсем не туда, куда влек бы их обыкновенный смысл слов и их синтаксическая связь” [Аскольдов, 2002: 92].

Опираясь на фундаментальные идеи немецкого логика и философа Г. Фреге, можно сказать, что художественные концепты выявляют расхождение значения и смысла [Кубрякова, 1996: 90 – 93]. Сцепление концептов порождает смысл, превосходящий смысл каждого элемента, взятого по отдельности. Хотя С.А. Аскольдов напрямую не вводит понятие системы, по, сути, он размышляет именно о ней [Юдин, 1977:141]. Цепочки художественных концептов порождают образные коммуникативные системы, характеризующиеся открытостью, потенциальностью, динамичностью. Существовая в пространстве языка, такая система определяет характер национальной картины мира.

Важнейшей функцией концепта является функция «замещения». По аналогии следует упомянуть идею М.М. Бахтина о возможности раскрытия одного смысла только в процессе диалога с другим, изоморфным ему. Каждый

концепт определяется его составляющими, которые могут быть как гомогенными, так и гетерогенными. Достаточно однородным по своему составу является гносеологический концепт, а концепт художественный строится по ассоциации и этим определяется неоднородность его компонентов [Бахтин М. 1975, с.119].

Концепт существует в определенной «идеосфере», обусловленной кругом ассоциаций каждого отдельного человека, и возникает как намек на возможные значения, как отклик на предшествующий языковой опыт человека в целом – поэтический, прозаический, научный, социальный, исторический.

Смысловые составляющие художественного концепта эксплицируются в тексте посредством языка. Процесс постижения смысла, безусловно, есть процесс языковой. Без языка невозможна ни дешифровка смыслов, ни их стабилизация, ни их трансляция.

Согласно С.А. Аскольдову «к концептам познания не примешиваются чувства, желания, вообще иррациональное. Художественный концепт чаще всего есть комплекс того и другого, то есть сочетание понятий, представлений, чувств, эмоций, иногда даже волевых проявлений» [Аскольдов, 1997: 274]. Метафорический концепт принадлежит индивидуальному сознанию, в отличие от концептов познания, которые по своей природе являются «общностями» [Аскольдов, 1997: 274]. Художественные концепты С.А. Аскольдов наделяет «неопределенностью возможностей» [www.russian.slavica.org].

Индивидуально-авторская концепция литературного текста традиционно считается предметом литературоведения и эстетики. Лингвистика долгое время ограничивалась интерпретацией стилистического использования в тексте языковых единиц, не поднимаясь до высоты его концепции. Поворот

лингвистики к целостному тексту как объекту исследования, а также рассмотрение его в теоретической среде антропологической лингвистики и когнитологии поставили ученых перед необходимостью исследования концептуального смысла текста.

И.Р. Гальперин (1981:41) выделил следующие основные виды информации текста:

- а) содержательно-фактуальную,
- б) содержательно-концептуальную,
- в) содержательно-подтекстовую.

1. Соглашаясь с этой типологией, Л.Г. Бабенко [Бабенко2003, с.495] предлагает четко различать виды текстовой информации по двум параметрам – в плане содержания (характер отображаемого) и в плане выражения (способы отражения). В результате виды информации будут представлять две пары оппозиций: 1) содержательно-фактуальная/содержательно-концептуальная информация (параметр ПС);
2. Эксплицитная/имплицитная, то есть содержательно-подтекстовая, информация (параметр ПВ).

И.Р. Гальперин дает развернутое определение содержательно-коцептуальной информации, которая, по его мнению, «сообщает читателю индивидуально-авторское понимание отношения между явлениями, описанными средствами содержательно-фактуальной информации, понимание их причинно-следственных связей, их значимости в социальной, экономической, политической и культурной жизни народа, включая отношения между отдельными индивидуумами, их сложного психологического и эстетико-познавательного взаимодействия» [Гальперин 1981:46].

Концептуальная информация семантически выводится из всего текста как структурно-смыслового и коммуникативного целого, поэтому нацеленный на ее выявление специализированный лингвистический анализ может быть ограничен частной задачей – обнаружением и интерпретацией базовых концептов того или иного литературного произведения.

В настоящее время концептуальный анализ активно используется преимущественно в лексике и фразеологии. В области лингвистического анализа текста он находится в стадии разработки. Можно отметить, что уже есть образцы концептуального анализа отдельных слов текста или совокупности небольших текстов (поговорок, пословиц), но пока нет еще последовательной модели концептуального анализа целого текста, хотя имеются серьезные наблюдения и убедительно доказанные теоретические положения, которые позволяют ставить проблему концептуального анализа художественного текста. К ним можно отнести следующие суждения:

- 1) Значимость концептуального пространства для любого развитого национального языка, роль произведений культуры, в том числе словесных произведений, в его развитии и обогащении; «концептуальная сфера, в которой живет любой национальный язык, постоянно обогащается, если есть достойная его литература» [Лихачев, 1993: 9].
- 2) Связь языка и культуры, включение языка в концептосферу культуры [А. Вержбицкая, Ю.С. Степанов, Д.С. Лихачев]; «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов, 1997: 40].
- 3) константность концептов в культуре, которая понимается как их постоянное присутствие в культурном сознании, что особенно подчеркивает и глубоко

исследует Ю.С. Степанов: «Константа в культуре – это концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долго» [Степанов, 1997: 76].

4) Универсальность концептов, которая рассматривается как нечто общечеловеческое, всеобщее: «Концепт – универсалия человеческого сознания ... Многократное обращение к нему способствует формированию ассоциативного поля, границы которого в сознании субъекта определяются «культурной памятью», причастностью к духовной традиции»

[Лихачев, 1993: 10]. В ментальном пространстве концепта универсальные знания занимают его ядерные зоны.

5) Способность концепта к развитию, его динамическая природа: «концепт имеет «слоистое» строение и разные слои являются результатом, «осадком» культурной жизни разных эпох» [Степанов, 1997: 46].

6) Цель концептуального анализа – выявление парадигмы культурно значимых концептов и описание их концептосферы, то есть тех компонентов, которые составляют ментальное поле концепта.

Способы обнаружения концептов и репрезентации их содержания составляют концептуальный анализ, хотя в лингвистике пока нет однозначного его понимания. Так, С.Е. Никитина отмечает двусмысленность обозначения этого метода исследования: «Само словосочетание «концептуальный анализ» – двусмысленно: оно может обозначать и анализ, и определенный способ исследования, а именно анализ с помощью концептов или анализ, имеющий своими предельными единицами концепты, в отличие, например, от элементарных семантических признаков в компонентном анализе» [Никитина, 1991:117]. Е.С. Кубрякова отмечает различия и в самой процедуре

концептуального анализа, и в арсенале исследовательских приемов, и в результатах исследований. [Кубрякова, 1999:16].

Несмотря на дискуссионность целого ряда теоретических вопросов и проблем когнитологии, лингвисты достигли серьезных результатов в практике концептуального анализа. Одно из перспективных направлений концептуального анализа – использование его в изучении семантической организации художественного текста. При этом важно учитывать то, что концепты многокомпонентны и представляют собой поле знаний, представлений, ассоциаций, имеющих ядро и периферию. Концепт художественного текста формируется на синтагматической основе, имеет внутритекстовую синтагматическую природу. По этой причине концептуальное пространство текста формируется на более высоком уровне абстракции – на основе слияния, стяжения общих признаков концептов, репрезентируемых на поверхностном уровне текста словами и предложениями одной семантической области, что обуславливает и определенную цельность концептосферы текста, а ключевой концепт представляет собой ядро индивидуально-авторской художественной картины мира, воплощенной в отдельном тексте или в совокупности текстов одного автора.

Концептуальный анализ художественного текста предполагает, во-первых, выявление набора ключевых слов текста; во-вторых, определение базового концепта этого пространства; в-третьих, описание обозначаемого ими (ключевыми словами) концептуального пространства.

Предпосылками анализа концептуального пространства текста можно считать достижения психолингвистики и традиционной стилистики. Психолингвистические эксперименты, направленные на исследование

смыслового восприятия речевого сообщения и текста, подтверждают, что читатель воспринимает текст концептуально, в его смысловой целостности. При этом в процессе понимания текста осуществляется компрессия его содержания. В формировании концептуального пространства текста участвуют и предтекстовые пресуппозиции, которые представляют собой «как бы предзнание определенного текста, составляют часть наших знаний о мире» [Караулов, 1981: 288]. К подобным пресуппозициям можно отнести имя автора, жанр произведения, время его создания и т.п. Большое значение для формирования концептов имеют повторяющиеся в тексте слова, называемые по-разному: слова-лейтмотивы, лексические доминанты, но чаще – ключевые слова. Одна из труднейших задач лингвистики текста, по мнению А.И. Новикова, - выделение подобных ключевых элементов текста, ибо последовательной методики их обнаружения и анализа пока нет [Новиков, 1983: 147]. По мнению И.В. Арнольд, «семантически, тематически и стилистически наиболее существенными являются повторяющиеся в данном тексте значения, выступающие в необычных связях» [Арнольд, 1981: 130].

Еще одним важным понятием для концептуального анализа является понятие когнитивно-пропозициональной структуры. Оно введено в научный оборот в связи с необходимостью моделирования концепта, осуществляемого с целью зрительного, наглядного представления его ментальной структуры. Подобное моделирование становится возможным в результате обобщения регулярно повторяющихся в лексических, фразеологических и текстовых репрезентациях концепта его существенных свойств, обнаруживающих знания о мире.

Когнитивно-пропозициональная структура формируется на основе совокупности однородных элементов, имеющих общие интегрированные и существенные дифференциальные признаки. Истолкование концептов и концептосферы кроется в семантическом пространстве близких по смыслу групп слов – тематических, семантических, – в типовом наборе существенных семантических признаков.

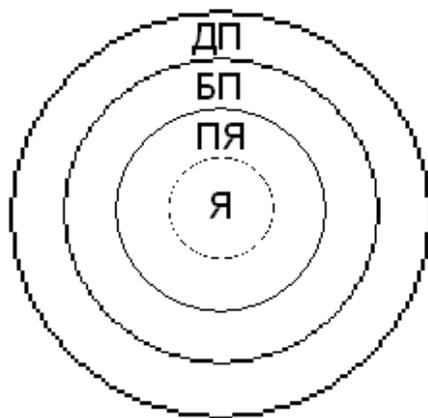
Пропозиция – особая структура представления знаний. Так, по мнению Ю.Г. Панкраца, существует особый тип репрезентации знаний – пропозициональный. Базовая когнитивно-пропозициональная структура концептуального пространства текста представляет собой выявленную путем обобщения реальных контекстов текстовую пропозицию в виде аргументно-предикатной структуры, репрезентированную в данном конкретном тексте (или совокупности текстов одного автора). Базовый концепт литературного произведения является основой его когнитивной структуры, которая в свою очередь являет собой представленные в систематизированном виде знания автора, воплощенные в тексте, то есть информацию эстетико-художественного характера. [Панкрац 1996: с.90 – 93].

Далее мы рассмотрим данный Л.Г. Бабенко алгоритм концептуального анализа художественного текста, который в дальнейшем мы намереваемся применить в процессе анализа выбранного нами произведения:

- 1) Выделение предтекстовых пресуппозиций, важных для формирования концептуального пространства текста: время его создания; имя автора, несущее определенную информацию о нем и прочее.
- 2) Анализ семантики заглавия и его семантического радиуса в тексте.

- 3) Проведение психолингвистического эксперимента с целью выявления набора ключевых слов текста.
- 4) Выявление повторяющихся слов, сопряженных парадигматически и синтагматически с ключевыми словами. Определение ключевого слова текста – лексического репрезентанта текстового концепта.
- 5) Анализ лексического состава текста с целью выявления слов одной тематической области с разной степенью экспрессивности.
- 6) Описание концептосферы текста, предусматривающее обобщение всех контекстов, в которых употребляются все ключевые слова – носители концептуального смысла, с целью выявления характерных свойств концепта: его атрибутов, предикатов, ассоциаций, в том числе образных.
- 7) Моделирование структуры концептосферы, то есть выделение в ней ядра (базовой когнитивно-пропозициональной структуры), приядерной зоны (основных лексических репрезентаций), ближайшей периферии (образных ассоциаций) и дальнейшей периферии (субъектно-модальных смыслов).

Подводя итоги, можно сказать, что индивидуально-авторские знания о мире формируют специфическую концептосферу, структурированную по принципу поля, ядром (Я) которого является когнитивно-пропозициональная структура (КПС), приядерную зону (ПЯ) представляют лексические репрезентации этой структуры, ближайшую периферию (БП) – образные репрезентации, а дальнейшую (ДП) – эмоционально-оценочные смыслы. Схематически это можно изобразить следующим образом [Бабенко, Казарин, 2003: 55 – 63, 67]:

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что термин «концепт» является ключевым в современной когнитивной лингвистике. Количество исследовательских работ, так или иначе, затрагивающих эту тему постоянно растет, однако на многие вопросы, такие, как, например, структура концепта, пока нет общей точки зрения. Несомненно, некоторыми авторами были предприняты достаточно успешные попытки по разрешению данной проблемы, однако прийти к единому знаменателю пока не удалось. С другой стороны, по многим вопросам, таким, как, соотношение значения слова и концепта, понятия и концепта, большинством исследователей выработана единая точка зрения. Осмысление концепта как когнитивной категории является многоаспектным процессом, затрагивающим как один язык: в синхронии и диахронии, так и несколько языков и представляет несомненный интерес для исследователей.

Другим немаловажным понятием когнитивной науки является картина мира. Картина мира лежит в основе восприятия человеком или социумом мира, основой индивидуального или общественного самосознания. Соотношение концептуальной и языковой картины мира является важным вопросом современной когнитивной науки. Языковая картина мира, исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и

отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности.

Как было сказано выше, понятие языковой картины мира восходит к идеям В. фон Гумбольдта и неогумбольдтианцев (Вайсгербер и другие) о «внутренней форме языка», с одной стороны, и к идеям американской этнолингвистики, в частности так называемой «гипотезе лингвистической относительности» Сепира-Уорфа, – с другой. [Брутян Г. А. 1968. – С. 34]

Языковая картина мира антропо – и этноцентрична. Она представляет собой совокупность знаний о мире, отраженных в лексике, грамматике, фразеологии. Каждый этнос обладает своей собственной языковой картиной мира. Вместе с тем, концептуальная картина мира может быть различной у представителей разных профессий, говорящих на одном языке, и напротив – сходной у носителей двух разных языков.

Картина мира является основой индивидуальных и общественных знаний о мире. Она создает общую для данного социума когнитивную структуру, делая во многом сходными представления людей об окружающей действительности, что позволяет им вступать в процесс обмена информации, проще говоря, коммуникации.

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается всем носителям языка. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков. Итак, каждый язык «рисует» свою картину, изображающую действительность

несколько иначе, чем это делают другие языки. Реконструкция языковой картины мира составляет одну из важнейших задач современной лингвистической семантики [<http://www.krugosvet.ru>].

Художественный текст связан с культурой, историей и, следовательно, с картиной мира данной эпохи. «Воля» автора, по словам Д. С. Лихачёва, имеет свою историю, она связана с намерениями автора, его художественным замыслом, с историей общественных идей и т. д. [Лихачёв М.1993: 3-9.]. В тоже время художественное произведение – это результат субъективного и осмысленного преобразования действительности, результат авторского восприятия. В художественном тексте находит внутренняя индивидуальная модель мира автора.

В следующем параграфе мы предпримем концептуальный анализ романа А. Труайя « *La tête su les épaules* », что позволит понять миропонимание, творческую индивидуальность автора, приблизиться к некому инварианту сверхтекста А. Труайя.

III.2. Концептосфера произведения «La tête sur les épaules»

Понятие «концептосфера» является одним из центральных понятий когнитивной лингвистики. Она образуется всеми потенциями концептов носителей языка. В настоящее время эту проблему разрабатывают многие учёные, например: М.А. Холодная, Р. Павиленис, Рудакова, Н.Н. Болдырев, И.А. Стернин и др.

Как было рассмотрено в предыдущей главе концептосфера образована всеми потенциями концептов носителей языка, чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера языка. [Лихачев, 1997: 5].

Познание концепта зависит от индивидуальных способностей каждого человека: «концепт тем богаче, чем богаче национальный, сословный, классовый, профессиональный, семейный и личный опыт человека, пользующегося концептом. В совокупности потенции, открываемые в словарном запасе отдельного человека, как и всякого языка в целом мы можем называть концептосферами» [Лихачев, 1993: 282].

Известно, что вся совокупность значений, передаваемых языковыми знаками данного языка, образует семантическое пространство данного языка.

Семантическое пространство языка и концептосфера однородны по своей природе, это мыслительные сущности. Разница между языковым значением и концептом состоит лишь в том, что языковое значение – квант концептосферы – прикреплено к языковому знаку.

Цель настоящей диссертационной работы - исследование художественного концепта. Рассмотрев различные определения данного понятия, мы

придерживаемся определения, которое дал С.А. Аскольдов: «Слово, не вызывая никаких «художественных образов» создает художественное впечатление, имеющее своим результатом какие-то духовные обогащения» - то есть, слово создает концепт. Концепт – есть мыслительный, который предполагает последующую обработку (анализ и синтез). [Аскольдов М, 1997,с. 279].

Согласно лингвисту С.А. Аскольдову, художественные концепты заключают в себе «неопределенность возможностей». Их заместительные способности связаны не с потенциальным соответствием реальной действительности или законам логики. Концепты этого типа подчиняются особой прагматике «художественной ассоциативности». Художественные концепты образны, символичны, поскольку то, «что они означают, больше данного в них содержания и находится за их пределами».

В настоящем параграфе мы предприняли анализ художественного концепта на материале конкретного произведения, а именно романа французского писателя XX века Анри Труайя.

Анри Труайя (Тарасов) родился в России в 1911 в северокавказском городке Армавире, где жили армяне и черкесы. Родители эмигрировали во Францию, и он довольно рано испытал все тяготы эмиграции. В Париже он получил литературное образование и, его талант, эрудиция помогли ему стать известным. В 1938 году роман – психологическая драма- « L'araigne » получает Гонкуровскую премию. Его романы - это широкая гамма тем: романтических, психологических портретов, социальная хроника, исторический роман, серия биографических романов. В исторических романах он, с блестящим знанием событий, описывает как русскую, так и французскую действительность, например « Les Dames de Sybérie » о подвиге жён декабристов. Свои

биографические романы Труайя посвятил Пушкину Толстому, Чехову, Екатерине Великой, Петру I и др.[Zavadovovskaya M.1993 : 243].

« La tête sur les épaules » - «Голова на плечах» является одним из шедевров психологических романов.

Безусловно, произведение подобного рода не могло остаться без отзывов современников и литературных критиков, а также приобрело широкую популярность среди любителей романов с драматической сюжетной линией. Местом действия одного из самых известных произведений, Труайя выбрал Париж, с иронией и убедительностью, проникновенным психологизмом поведав историю о жизни Этьена Мартена.

Главный герой романа молодой человек по имени Этьен, безмерно любящий свою мать, переживает глубокую драму

Он с 6 лет живёт без отца, т.к. мать давно с ним разошлась, и случайно узнаёт, что его отец был убийцей. Во время войны, людям, пытавшимся спастись от гестапо, он предлагал провести их через границу, но убивал и грабил. Молодому человеку тяжело осознавать себя сыном убийцы – это главная тема романа. Вторая основная тема романа его отношения с матерью: противоречивая ревностная любовь и, в тоже время, желание личного счастья для неё. Для Этьена любовь к матери - нечто большее – это смысл всей его жизни, то, чем он дорожил. Марион, как он её называет, для него - символ доброты, красоты, чего-то светлого, чистого.

Роман начинается с описания взаимоотношений сына и матери. Этьен любит свою мать безмерно и, узнав, что у неё есть поклонник, ревнует её. Он ни с кем из учеников по колледжу не дружит и весь его мир «крутится» вокруг

Марион, что также говорит об особенном отношении к матери. Рассмотрим концептуальное пространство любовь:

Assis sur le bord de la baignoire, les coudes aux genoux, le dos rond, Etienne Martin épiait les moindres gestes de sa mère... Dès sa plus tendre enfance, Etienne aimait assister au maquillage de sa mère. Une fois de plus il admira ce petit visage, à l'oeil large et noir, au menton romain. Le masque pur et dur, un peu fané dominait étonnement un corps gracile de fillette. -

- Сидя на краю ванны, сгорбившись, оперевшись локтями о колени, Этьен ловил малейший жест матери. С самого детства он любил присутствовать при макияже матери, в который раз он восхищался этим маленьким лицом с большими чёрными глазами и римским подбородком. Невинное лицо с резкими чертами, слегка постаревшее, являлось странным продолжением хрупкого девичьего тела.

Этьен так любит свою мать, что не замечает её возраста, он видит в ней хрупкую школьницу:

Une robe bleue, à corsage plissé et à col blanc d'écolière, accusait encore cette impression de jeunesse tardive et de fragilité... Il humait son parfum écoutant le bruissement de sa robe.. -

Голубое платье с плиссированным корсажем и белым воротничком усиливало впечатление запоздалой и хрупкой молодости. *Il s'enlaça, la couvrit de baisers, sur les joues, dans le cou.*

Ключевые слова и их лексические репрезентанты, отражающие любовь в этом отрывке и в последующем тексте **aimer, admirer, épier les moindres gestes, un corps gracile de fillette, col blanc d'écolière, jeunesse, fragilité, couvert de baisers.**

Анализ данной модели концептосферы подтверждает мысль Ю. М. Лекомцева об антонимической структуре художественного текста. Через систему противопоставлений, так называемой перцептивной антонимии, автор передаёт противоречивое состояние души своего героя.

Таким образом, концептосфера любви формируется следующим образом:

Композиционно препозиционная структура в данном романе - это неполная семья, слишком близкие, любовно-товарищеские отношения между сыном и матерью, их **лексическое выражение**, т.е. приядерная зона: *dès son plus tendre enfance Etienne avait aimé assister au maquillage de sa mère...Je pourrais te conseiller, t'aider.*

Ближайшая периферия: мать, предстающая в образе девочки, школьницы: *Une robe bleue d'écolière, jeunesse tardive, fragilité.*

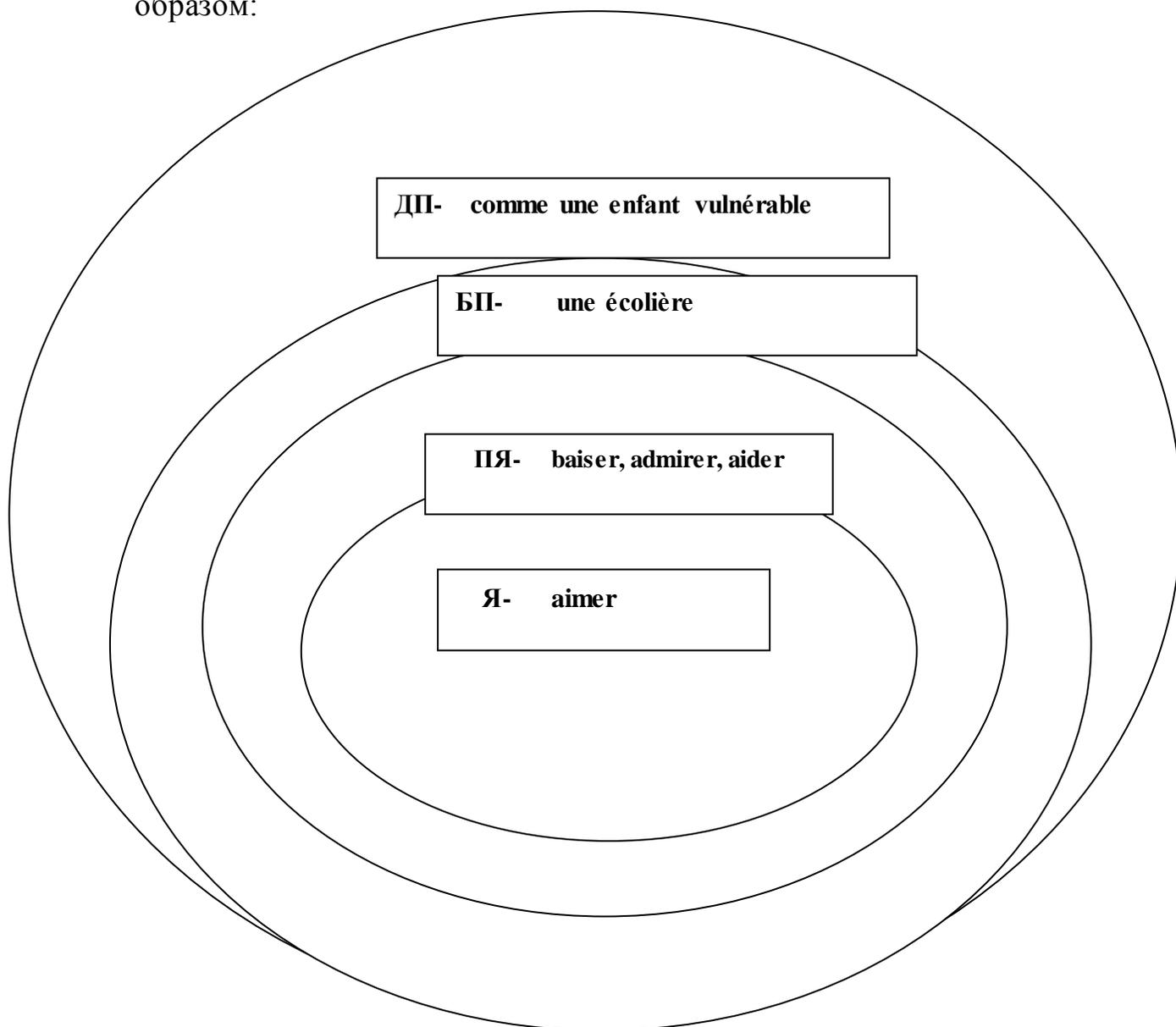
Дальнейшую периферию, т.е. эмоционально – оценочное значение выполняют в тексте сравнения, метафоры, оксюмороны, персонификация:

il la considérer comme une enfant vulnérable et coquette -comparaison;
tendre enfance - méthaphore; jeunesse tardive; une douce lassitude -oxymore;
le vide se creusa dans sa poitrine- pesonnification.

В формировании модели данной концептосферы играют большую роль сопутствующие понятия, повторяющиеся на протяжении всего романа, также выражающие любовь, например: **confiance, confidence, sacrifice, protection.**

Большое значение для формирования концептов имеют повторяющиеся в тексте слова, называемые по-разному: слова-лейтмотивы, лексические доминанты, но чаще – ключевые слова.

Схематически данную модель концептосферы можно изобразить следующим образом:

Из предыдущего описания данного концепта явствует, что схема не отражает всей полноты образных и эмоционально-оценочных средств, которые Труайя использовал для описания чувств главного героя.

С появлением Максима Жюбера в жизни матери, появляется тема ревности:

...il te retiendra pour le diner..., il t'envoie des fleurs, ...il te trouve à son gout...il t'accompagnera à Lion...Etienne plissa les yeux. Il sentait que sa mère hésitait à lui dire la vérité, et que ce mensonge lui faisait mal...Dans son intérieure, il ne pouvait s'empêcher de la considérer comme une enfant vulnérable et coquette, dont il était l'unique protecteur.

Слова, выражающие ревность: **mensonge, faire mal, nostalgie, déception, malaise, vide dans sa poitrine.**

Этьен замечает малейшее изменение в выражении её лица, внешности, настроения:

Tout son visage tremblait, rose et chaud, avec une lumière dans les yeux. Elle respirait par saccades... ..les cheveux ébouriffés sur les tempes, une douce lassitude marquait son visage..Un cerne mauve bordait ses yeux. Ses lèvres étaient pales, démaquillées. -

Всё лицо её дрожало, она прерывисто дышала, глаза излучали свет. Дыхание было прерывисто...– взлохмаченные волосы, небольшая усталость на лице... Под глазами обозначились фиолетовые круги. Губы её были бледными, не накрашенными.

Tu ne le connaît que deux mois et deux mois tu as changé de figure...il imagina Marion dans les bras d'un homme, et vide se creusa dans sa poitrine. –

Ты с ним знакома только два месяца и, за это время, ты изменилась. Он представил Марион в объятиях мужчины и в сердце похолодело.

И, далее советы, предположения. Он хочет быть её единственной опорой, защитой, обещает в будущем обеспечить её материально, хотя как говорит он «...если ты его любишь и он тебя, то я буду первым, кто тебе посоветует выходить за него замуж»:

Ce M. Joubert, je ne le connaît pas, mais c'est, sans doute, un type convenable... S'il t'aime et si tu l'aime, je serai le premier à te dire de l'épouser. Mais si tu cèdes simplement à la fatigue, si tu obéis à la crainte du lendemain, alors, je t'en supplie, fais-moi confiance. Tu n'es pas seule. Tu n'es plus seule. J'ai passé mon bac de philo. Dans trois ans je serai licencié en droit. Je m'inscrirai au barreau de Paris, je gagnerai de l'argent.

В общем, это советы достаточно взрослого человека, но осуществление его идей, по его же словам, требуют, как минимум, трёх лет и нет никаких гарантий, что они будут реализованы. То есть это заявление не что иное, как проявление ревности, желание любым способом отговорить мать выходить замуж. В нём борется два чувства: ревность и желание счастья матери.

Эмоционально-оценочный смысл несёт также указательное местоимение, имеющее пейоративное – уничижительное значение: **ce M. Joubert - этот** господин Жубер, **ce type, ce parvenu, ce salaud**, un personnage un peu gras – толстая персона.

Не зная Жюбера, Этьен представляет его выскочкой, мерзавцем, порочным типом, желающим завладеть его пространством, его территорией. Мать же- соблазнённая Жюбером, предающей его интересы и память отца, более того он считает, что она, отказываясь от прошлого компрометирует отца:

Subjuguée par Maxim Jubert. Elle **sacrifiait** dix-huit années d'affection, de confiance, de protection mutuelles, au vulgaire désir de **ce type** grisonnant et **vicieux**. Elle ne m'aime plus. Elle me préfère à **ce parvenu, ce salaud**. En se jetant à la tête de ce Maxime Jubert, elle répudiait son passé et compromettait son avenir. Elle dédiait son corps et son âme à individu, dont le seul mérite consiste à être vivant. Le type même de ces « vieux » qui gouvernent le monde selon des conceptions retrogrades.

Таким образом, **композиционно препозиционная структура** концепта, **ядром**, которого является «jalousie» также как и концепта « amour» - неполная семья, слишком близкие, любовно-товарищеские отношения между сыном и матерью.

Приядерная зона: mensonge, décéption, solitude, dédier son corps et âme à cet individu.

Ближайшая периферия: Жюбер, предстаёт в образе хищной птицы, пытающийся завладеть его матерью: un vautour .

Дальнейшую периферию, т.е. эмоционально – оценочное значение выполняют употреблённое в уничижительном смысле местоимение се, сопровождаемое словами: type, individu, personnage, retrograde, vicieux, а также ругательством – salaud.

Дальнейший поворот событий в романе – ужасное открытие. Этьен узнаёт, что его отец не погиб в дорожной катастрофе, а что его приговорили к смертной казни за убийства. Это известие потрясло молодого человека, который на протяжении всего романа пытается ответить на вопрос кто он, разобраться в своём характере, в своих поступках. Ещё в начале романа он с

упоением читает «Исповедь» Жан-Жака Руссо, как бы «примеряя» на себя мысли философа:

Les malheures harmonieux de Jean-Jacques Rousseau devenait le fond même de son existence. –

Гармония несчастий Жан-Жака Руссо становились самой сутью его существования.

Этьену нравятся мысли об исключительности личности Руссо и как следствие прочитанного он думает о себе следующее:

Je sens mon coeur et je connais les hommes. Je ne suis fait comme aucun de ceux que j'ai vus; j'ose croire n'être pas fait comme aucun de ceux qui existe.

Я чувствую биение своего сердца, и я знаю сущность людей. Я не такой как все вокруг; я осмеливаюсь думать, что я, такой как я есть единственный в мире.

Затем он читает у немецкого философа Шопенгауэра, полностью с ним соглашается и собирается переписать эту мысль себе в блокнот:

Avec les espérances déçus et les accidents qui déjouent tous les calculs, la vie porte empreinte d'un caractère propre à nous inspirer le dégoût.

Эта фраза играет роль суггестии в романе. Он любит мать, и обожаем ею, с удовольствием постигает азы будущей профессии, жизнь размерена и спокойна (только ревность слегка омрачает) и, вдруг, ужасное известие «... несчастья, которые ломают все наши планы и жизнь несущая отпечаток отвращения». Слово **dégoût** и является, на наш взгляд, как бы предвещает несчастья, которые обрушатся на голову молодого человека.

Само название романа «Голова на плечах», выбранное Труайя, как нам кажется, символично и суггестивно. С одной стороны Этьен постоянно размышляет о смысле бытия, ищет своё место в жизни, идёт постоянная работа

ума, с другой стороны - голова летит с плеч его отца (в те годы во Франции казнили при помощи гильотины).

Необходимо заметить, что только в описания судебного процесса, на нескольких страницах, слово **tête** встречается 11 раз.

Происходящее в голове убийцы по словам автора:

...un travail démoniaque avait creusé la pate de la figure en touchant sa tête... ; la tête éourdie ;.. ; sa tête est lourde.

Замечание журналиста:

Je me demande ce qui peut se passer dans son crâne.

Происходящее в голове Этьена:

Tout était sale au-dedant de lui, dans sa tête, dans sa bouche, dans son ventre. Etienne sursauta et dressa la tête. Le regard de M. Thuillier entrant dans sa tête comme un couteau dans une motte de beurre. Il pouvait se retirer la tête haute...La tête roule dans un panier.

Высказывание автора:

Le président de Saulier remet sa toque sur la tête.

На протяжении всего романа слово **tête** встречается 41 раз, в основном это **la tête baissée, rejeté en arrière, la tête perdue, la tête roulée dans le panier, la tête coupée, homme sans la tête, tête basse.** Чаще всего встречаются выражения «опущенная голова», что передаёт концепт понятие « **honte** ».

Итак, он идёт в Национальную библиотеку, заказывает периодику за 1945 год и находит статьи о судебном процессе. Теперь он знает всю правду. Этьен испытывает невероятные муки, ему безумно стыдно ощущать себя сыном убийцы, он не знает, как жить дальше, что делать с этой правдой.

Этьен внимательно читает статьи, посвященные этому событию, ищет малейшее доказательство его невиновности, но отец признаётся, в преступлениях, тогда Этьену хочется, чтобы эти преступления были совершены не из-за корысти, а по другим, каким-то личным или политическим причинам – ему хочется, хоть как-то, реабилитировать память об отце. Рассматривая фотографию, он всё ещё на стороне отца - достаточно прочесть, как он «видит» фотографию и как описывает убийцу хроникёр:

Etienne reconu son père, et une bouffée de chaleur lui monta aux joues. ...un homme mince, nerveux, traqué...les yeux, largement ouverts, exprimant la haine, l'impuissance.

Он видит на фото худого, нервного, затравленного человека, с широко открытыми глазами, выражающими ненависть и бессилие.

Хроникёр: высокий, сухопарый, надменный, видный, скользящий взглядом, полным спокойного презрения, по присутствующим:

Grand et sec arrogant, distingué, l'accusé promène sur l'assistance un regard de mépris tranquille.

На наш взгляд, ощущение беспомощности и душевных мук передают следующие, постоянно повторяющиеся слова: **assassin, une boue de honte, j'avais honte, étourdit, le coeur en alerte, angoisse, empoisoné, le vide, le néant**, причём **honte** и **néant**, являются ядром концептуальной модели, выражающей стыд за преступления отца темой: «я - сын убийцы».

Автор подчеркивает мысль безысходности героя:

A cause de lui je ne pourrai plus jamais vivre de la même vie que les autres. A cause de lui tout est changé, pourri, empoisonné, dans le monde qui m'entoure. Je suis abandonné de tout.

Определение ключевого слова текста – лексического репрезентанта текстового концепта показало, что ядром одной из концептуальных моделей произведения «La tête sur les épaule» является концепт **«honte»**, который на протяжении романа выражается также и ассоциативной изотопией: **«angoisse, pourri, empoisonné»**. Ощущение стыда за преступление отца влечёт за собой чувство того, что всё вокруг отравлено, гниёт и, что он всеми покинут, что он одинок.

Итак, концептуальный анализ показал, что **композиционно пропозиционная структура** данной темы лексически выражена следующими концептами: **lugubre, épouvantable, horreur, monstre**.

Ближайшая периферия, т.е. образная репрезентация, например употребление Труайя выражения:

vous les donc conduisiez par des sentiers escarpés.

Примечательно, что слово *escarpe* имеет два значения: 1- *talus intérieur du fossé d'un ouvrage fortifié*; 2- *bandit, voleur, assassin* [Le Petit Larousse 1993]- образное выражение и, одновременно игра слов или употребление автором оксюморона *horreur tranquille*, или сравнение :

Il sembla à Etienne que le regard de M. Thuillier entrat dans sa tête comme un couteau dans une motte de beurre.

Эмоционально-оценочный смысл в этом блоке концептуальной модели несёт, например уничижительное название головы: *Je me demande ce qui peut se passer dans son crâne.*

Слово **«le néant»** - **небытие**, на наш взгляд является суггестией идеи самоубийства героя романа, т.е. выражением концептуально пропозиционной структуры попытки самоубийства героя романа. Суггестивные высказывания в

романе создают фон, впечатление об основном, ключевом смысле текста, дают установку на восприятие, углубляют художественный смысл, усиливают эмоциональную напряжённость.

Этьен считает, что он как сын убийцы не должен жить, убеждая себя в следующем: Я не жизнеспособный; я подобно маленькой ракете, которая повисла в воздухе, вспыхнула и исчезла; мир отказался от моего отца - я отказываюсь от мира:

La révélation qu'il avait reçu le plaçait dans une situation fausse vis-à-vis de l'univers. Je ne suis pas viable. Далее Труайя раскрывает эту идею при помощи раскрытия одного смысла другим, изоморфным ему.

Анализ данной концептосферы показал, что КПС самоубийства лексически выражается, как было нами замечено существительным **le néant**, а также изоморфными этому слову лексемами: **Le noire. Le silence. L'oubli.**

Ближайшая периферия данной концептуальной модели – это целый ряд образов:

Je me suis écarté du troupeau. Etienne se croyait être seule et, cependant, une foule immense le contemplait. Il se trouvait sur une scène exhausée, face à l'abîme où se pressait la masse sombre des spectateurs. On doit jouer une pièce de théâtre qu'on n'a pas encore répétée. Et soudain, le rideau se lève, le public est là. Il faut agir, parler. ce vaisseau de pierres lourdes Autour de la chambre, que la lampe de chevet éclairer d'une manière oblique, théâtrale, les ombres refusaient le jeu.

Герой романа себя ощущает то отбившимся от стада животным, то актёром на сцене, одиноким среди огромной толпы зрителей – и ему надо

играть ещё не отрепетированную пьесу, что-то говорить, что-то делать, то он плывёт на корабле, сделанном из тяжёлых камней, который вот-вот потонет.

При помощи употребления метафор, сравнений, градации, антитезы автор продолжает тему концепта при помощи эмоционально - оценочных смыслов в виде аргументно-предикатной структуры, репрезентированную в данном конкретном тексте (или совокупности текстов одного автора). Базовый концепт литературного произведения является основой его когнитивной структуры, которая в свою очередь являет собой представленные в систематизированном виде знания автора, воплощенные в тексте, то есть информацию эстетико-художественного характера.

Итак, концептуальный анализ показал, что дальнейшая периферия выражена автором, как было сказано, следующими стилистическими средствами:

*Je ne suis pas viable. Cette idée percuta dans sa cervelle. Par les volets entrebâillés, entrait le **souffle sombre et chaud** de la ville. **Le battement de balancier devenait assourdissant, emplissait la chambre, réglait la vie de toute la maison** La montre grignotait queque chose, qvec de petite dents de rat. (méthaphores, personnification). –*

Я не жизнеспособен. Эта мысль звенела в висках. Через приоткрытые ставни проникало мрачное и жаркое дыхание города. Стук маятника становился оглушающим, заполнял всю комнату, направлял жизнь всего дома.

Le monde a refusé mon père, je refuse le monde. Puisque l'épreuve est au-dessus de mes forces mieux vaut supprimer cette douleur en me supprimant moi-même (antithèses). –

Мир отказался от моего отца, я отказываюсь от мира. Поскольку это испытание выше моих сил, легче уничтожить эту боль, уничтожив меня самого. (Глагол *supprimer* имеет также значение «покончить самоубийством, покончить собой *supprimer*-1. Mettre un terme à l'existence de. 2. Enlever qqch à qqn. 3. Se débarrasser de qqn. en le tuant. se supprimer se donner la mort. Le Petit Larousse).

Le noire. Le silence. L'oubli. Un cris, un éclat, un geste de refus. (*gradations descendantes*). Мрак. Молчание. Забвение. Крик, треск, неприятие.

Можно констатировать, что эти односоставные предложения являются окказиональными синонимами и выполняют функцию замещения, раскрытия одного и того же смысла - **le néant**.

La vue de ces deux êtres ridés, voûtés, collés l'un contre l'autre, comme des naufragés sur un radeau, le combla d'un répulsion tranquille (*comparaison, oxymore*). Вид этих двух существ, морщинистых, сгорбленных, держащихся друг за друга, как утопающие на плоту, переполнил его тихим отвращением.

Le battant vole en éclat, par instant, la glace de l'armoire lui renvoyait l'image d'un pyjama flasque à rayures, au dessus duquel flambait un visage d'ange exterminateur (*oxymore*). Створка двери летает с грохотом, и, в какие-то моменты, зеркало шкафа посылает его безвольный образ в полосатой пижаме, над которым ярко выделяется лицо ангела - терминатора.

La silence nocturne l'emprisonnait comme une nappe d'huile il écouta le silence de la maison, qui voguait, comme un paquebot aveugle dans la nuit.

(*personnification, comparaison*). Ночная тишина окутала его как масляная плёнка, он слушал тишину дома, которая блуждала по волнам как слепой корабль в ночи.

La chambre devint attentive, se figea, accepta sa fonction de décor. Les murs bougeaient. Dans les ailes diaprés des papillons naissaient des signaux de couleur (personnifications). Комната сосредоточилась, застыла, смирившись, играя роль декорации. В пёстрых крыльях бабочек рождаются разноцветные звуки. *La nuit creuse, vide, avec ses rocs silencieux et ses étoiles scintillantes (personnification).* Глубокая опустошённая ночь, со своими молчаливыми скалами и сверкающими звёздами.

Un gouffre lui soufflait à la face son haleine de terre humide. C'était ça, le néant. Il se penchait sur le néant. Il entrait dans le néant, par petites secousse. Пропасть дышала ему прямо в лицо своим холодным дыханием сырой земли. Вот оно небытие и он, постепенно, маленькими шагами приближался к нему.

Как мы наблюдаем, слово **néant** повторяется, являясь ключевым, **noire, silence, oubli** его ассоциаты.

В момент самоубийства перед глазами Этьена всё оживает, движется, стучит или наоборот становится молчаливым, застывшим.

Труайя употребляет в описании этой сцены антитезы и оксюморон, чтобы подчеркнуть метания души своего героя. И, как кульминация этих страданий и философское объяснение всего произошедшего в лице Этьена мы видим и ангела и дьявола одновременно, как и в любом человеке, по мнению автора. Базовая когнитивно-пропозициональная структура данной концептуальной модели представляет собой, как показано на конкретных примерах, выявленную путем обобщения реальных контекстов текстовую пропозицию. Так, ещё в преддверье печальных событий Этьен получает посылку с вещами отца, среди которых были часы, которые он потом будет не раз рассматривать, удивляясь, что они идут, а хозяина нет в живых. Колебание маятника домашних

часов, тиканье отцовских часов повторяются «рефреном», стуча в висках молодого человека, отсчитывая часы, минуты его жизни. Ощущая своё бессилие перед обстоятельствами, Этьен раскрывает свои чувства перед преподавателем философии. Он испытывает ужас, стыд, что мы можем обнаружить в речи самого героя *J'ai appris, il y a quelques jours, que mon père était un assassin...J'ai beaucoup hésité à venir vous voir, dit-il. Je n'osait pas. J'avais honte. C'est affreux de vivre avec un secret pareil dans le coeur.* -

Несколько дней назад я узнал, что мой отец был убийцей... Мне трудно было прийти к вам. Я не осмеливался. Это ужасно жить с таким секретом в сердце.

Но у него не хватает сил совершить самоубийство, он делится своим горем с учителем философии г-ном Тюилье, который объясняет ему, что стремление к самоубийству - это удел высших натур. Рассуждая, таким образом, учитель или, скорее всего, Анри Труайя, продолжает идеи, Шопенгауэра, высказанные ещё в начале романа, о том, что мир, окружающий нас – это хаос и человек проводит всю жизнь в борьбе. Подводя итог этим рассуждениям, он говорит:

Honnteté, pour celui qui a compris l'absurdité du monde, ne consiste pas à être ce que les autres veulent qu'il soit, mais ce qu'il veut être lui même...l'homme est sa propre fin. –

Честность для того, кто постиг абсурдность этого мира не заключается в том, чтобы быть тем, кем желают тебя видеть окружающие, а тем, кем хочешь ты быть сам человек – это и есть цель. Тем самым, как бы оправдывая отца Этьена:

Au pont de vue des juges, des victimes, bref de la société il n'a pas raison. A son point de vue personnel il a raison. Chacun étant maître de sa morale, votre père, vis-à-vis de la conscience, est responsable, mais non coupable –

С точки зрения судей, жертв, в конце концов, общества он не прав. С собственной точки зрения – он прав. Каждый человек создаёт сам свою мораль, ваш отец по отношению к своему сознанию – ответственен, но не виновен.

Как было отмечено выше, Этьен Мартен испытывал определенные обязанности перед матерью. Её желание обрести любовь не давало ему возможности провести с ней всю жизнь. Данное обстоятельство угнетало его, он попытался застрелить претендента на руку матери. Суггестией этого странного поступка было высказывание Шопенгауэра, которое он перечитал, запомнив даже страницу 328:

En se combinant dans l'acte de génération, les germes apportés par les parents reproduisent non seulement les particularités de l'espèce, mais celles des individus...Que chacun commence par se considérer soi-même, qu'il s'avoue ses penchants et ses passions...que, par la pensée, il se reporte ensuite à son père, et il ne manquera guère d'apercevoir en lui ses traits de caractère dans leur ensemble...

Основная идея этого высказывания заключается в том, что наши наклонности, черты характера мы унаследуем от отца.

Приняв на веру все эти рассуждения философов, Этьен считал, что он, как и его отец должен убивать. Он пытался задушить кошку, (эту сцену в романе можно считать суггестией попытки убить «соперника») но не смог, также как и не смог застрелить Максима Жюбера.

Далее интересен поворот событий - А. Труайя подводит читателя к мысли о том, что все предыдущие философские рассуждения ничего общего с

реальной действительностью не имеют. Жюбер объясняет Этьену, что сама жизнь людей более показательна, чем их рассуждения, и что его самого «напичкали» философскими мыслями, которые он не успел переварить, т. е. осмыслить. - *On vous a bourré de philosophie. Et vous n'avez pas eu le temps de la digérer.*

Schopenhauer, le pessimiste, qui méprisait la vie et aspirait au néant, s'était installé à Francfort, parce que, selon les statistiques, cette ville accusait un faible pourcentage de mortalité. Jean-Jacques Rousseau rédigeait un traité d'une délicatesse exquise sur l'éducation des enfants, mais abandonnait les siens à la charité publique. Heidegger se posait en apôtre de l'individualisme, et de l'angoisse féconde, mais s'inscrivait au parti nazi, par crainte de répressions policières. -

Хайдеггер - пессимист, презирающий жизнь, стремящийся к небытию, поселился во Франкфурте, так как по данным статистики в этом городе была очень низкая смертность. Жан-Жак Руссо, писавший, с изящной деликатностью, трактаты о воспитании детей, оставлял своих в приютах на попечение государства. Хайдеггер, позиционировавший себя как апостол индивидуализма, вступил в нацистскую партию, опасаясь репрессий.

Жюбер пытается объяснить молодому человеку, что надо быть самим собой не пытаться повторять чью-то жизнь или следовать постулатам философов, жить своей жизнью.

Интересно также проследить соотношение ключевых и суггестивных понятий в романе. Помимо лексического, образного и эмоционального воплощения, концепт **любовь** выражен изоморфными ему понятиями, например:

доверие, которое повторяется на протяжении всего романа:

fais-moi **confiance**, je t'en supplie.

Этьен как бы уговаривает себя подружиться с избранником матери только ради неё, если всё - таки она выйдет за него замуж:

Si Marion épouse Maxime Jubert, **nous deviendrons des amis. A cause d'elle. Uniquement à cause d'elle.**

Понятию **ревность** - нелестная характеристика, которую даёт Этьен господину Жюберу заочно:

Un de ces jours elle me présentera à ce Maxime Jubert. **Un personnage un peu gras, grisonnant, un peu pontifiant.**

В конце романа, когда он знакомится с господином Жюбером, тот оказался вовсе не толстеющим, не говорящим напыщенно, а подтянутым, скорее худым, слегка седеющим с нежным и усталым взглядом, и говорил он с Этьеном искренне и сочувственно.

Он ощущает одиночество после ухода матери на свидание:

Sans transition, il se trouva **seul et désœuvré**, dans l'entichambre où une glace brillait entre les fantômes de deux manteaux parallèles.

Неожиданно сравнение **manteaux – fantômes**, но появление слова фантом можно считать суггестией драмы героя романа, когда он узнаёт, что отец убийца.

Понятию **honte** соответствуют следующие изотопные смыслы:

Un **gouffre** lui soufflait à la face son haleine de terre humide...

Sa **pieuvre** à lui était encore vivante.

Une suspension massive, forée de boules et de bobéçons en bronze, perdait du plafond comme **un monstre** marin. Также как в приведённом выше примере, в котором пальто оказывается похожим на монстра, в данной фразе люстра

похожа на морское чудовище. А стрелки часов в доме стали похожи на зубы крысы:

La **montre** grignotait quelque chose, avec de petit **dents de rat**. Ещё одно неожиданное сравнение, скорее всего родившееся в мозгу из-за страха и отвращения **montre – rat**.

Слова **страх** и **отвращение** также являются сопутствующими ключевым концептам и неоднократно встречаются в тексте. Это страх потерять мать, если она выйдет замуж, это страх перед окружающими, перед самой жизнью из-за того, что он сын убийцы и что сознавая это он не жизнеспособен. А ведь он строил грандиозные планы по поводу своей карьеры, он хотел обеспечить безбедную жизнь своей матери. Но с этим известием всё рухнет:

Il ne voulait plus rien. Il avait peur. **Peur** de la mort et **peur** de la vie. Le **dégout** qu'il avait de lui-même était violent.

Как видно из приведённых примеров **фантомы, пропасть, чудовище, спрут, крыса** передают, раскрывают смысл переживаний главного героя романа.

Данный анализ подтверждает мысль М.М. Бахтина, что важнейшей функцией концепта является функция «замещения» т.е. можно говорить об аналогии, о возможности раскрытия одного смысла в процессе диалога с другим, изоморфным ему. [Бахтин М.1975:120]

Анализ данного произведения также показал, что эмоциональная информация, передаваемая автором, определена как содержательно-концептуальной, так и содержательно-фактуальной информацией. Эмоциональная доминанта текста – голова на плечах или её отсутствие (в прямом и переносном смысле, имеется ввиду переосмысление Этьеном прочитанного в философских трактатах) является воплощением авторской

позиции, связана с авторской оценкой изложенного, а следовательно, входит составной частью в содержательно-концептуальную информацию. Сама авторская позиция не может рассматриваться как абсолютно субъективная, так как мировоззрение автора формируется определёнными общественными, социальными категориями общества, членом которого он является, картиной мира.

Труайя, как выразитель идей своего времени, воплощает в тексте современную ему картину мира, в то же время демонстрирует собственную картину своего художественного текста. Так, во Франции, общество было увлечено экзистенциалистскими идеями Ж-П Сартра об абсурдности бытия, который в свою очередь был вдохновлён философией немецких учёных Хайдегера, Шопенгауэра. В то же время, он, исподволь подводит читателя к мысли, что не стоит принимать всё на веру, что пишут философы и делает это с присущей писателю тонкой иронии.

Таким образом, концептуальная модель – это определенное множество понятий и связей между ними, являющихся смысловой структурой рассматриваемой предметной области, состоящей из перечня понятий, используемых для описания этой области, вместе со свойствами и характеристиками этих понятий.

Авторское видение проблемы отражено в концептуальных моделях произведения.

Как мы видим, выбор имени не только определяет образ, характер и поведение персонажей в тех или иных ситуациях, но и усиливает восприятие произведения в целом и способствует более глубокому пониманию целей автора.

Итак, говоря о концептуальном пространстве данного произведения, можно выделить концепты “**amour**”, “**jalousie**”, “**honte**” как наиболее значимые. Данные концепты пронизывают все произведение и неразрывно связаны друг с другом. Они являются своего рода символами страданий Этьена Мартена, его безысходности и невозможности что-либо изменить.

Концепт “**amour**”, как один из наиболее важных и ярко выраженных, включает в себя такие понятия как «доброта», «близость», «забота», «трепетное отношение», «всплеск эмоций», что прослеживается на протяжении всего произведения. В качестве лексической репрезентации данного концепта можно также выделить такие единицы как **épier les moindres gestes, humer son parfum, écouter le bruissement de sa robe, couvrir de baisers les joues, le cou.**

Проанализировав данные примеры, можно прийти к выводу, что страдания, ревность намного сильнее, чем могут показаться на первый взгляд, доказательством этому может послужить тот факт, что Этьен вдруг решает застрелить поклонника матери, что является ярким проявлением ревности.

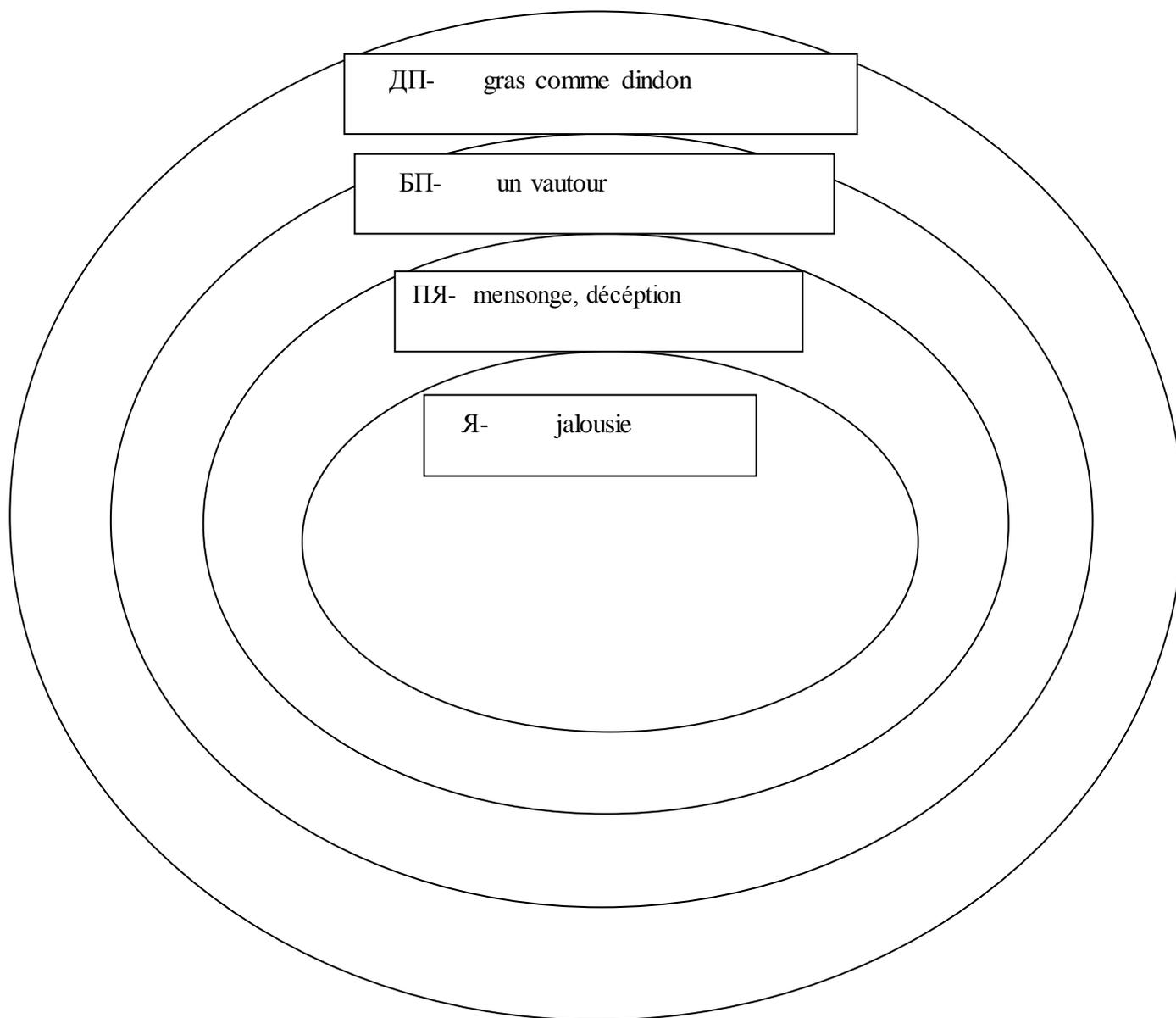
Нельзя не отметить постоянно повторяющиеся слова, сопутствующие концепту “**honte**”: **stupeur, mépris, gouffre**, которые не менее остальных важны для понимания всей сущности ситуации в которой оказался Этьен.

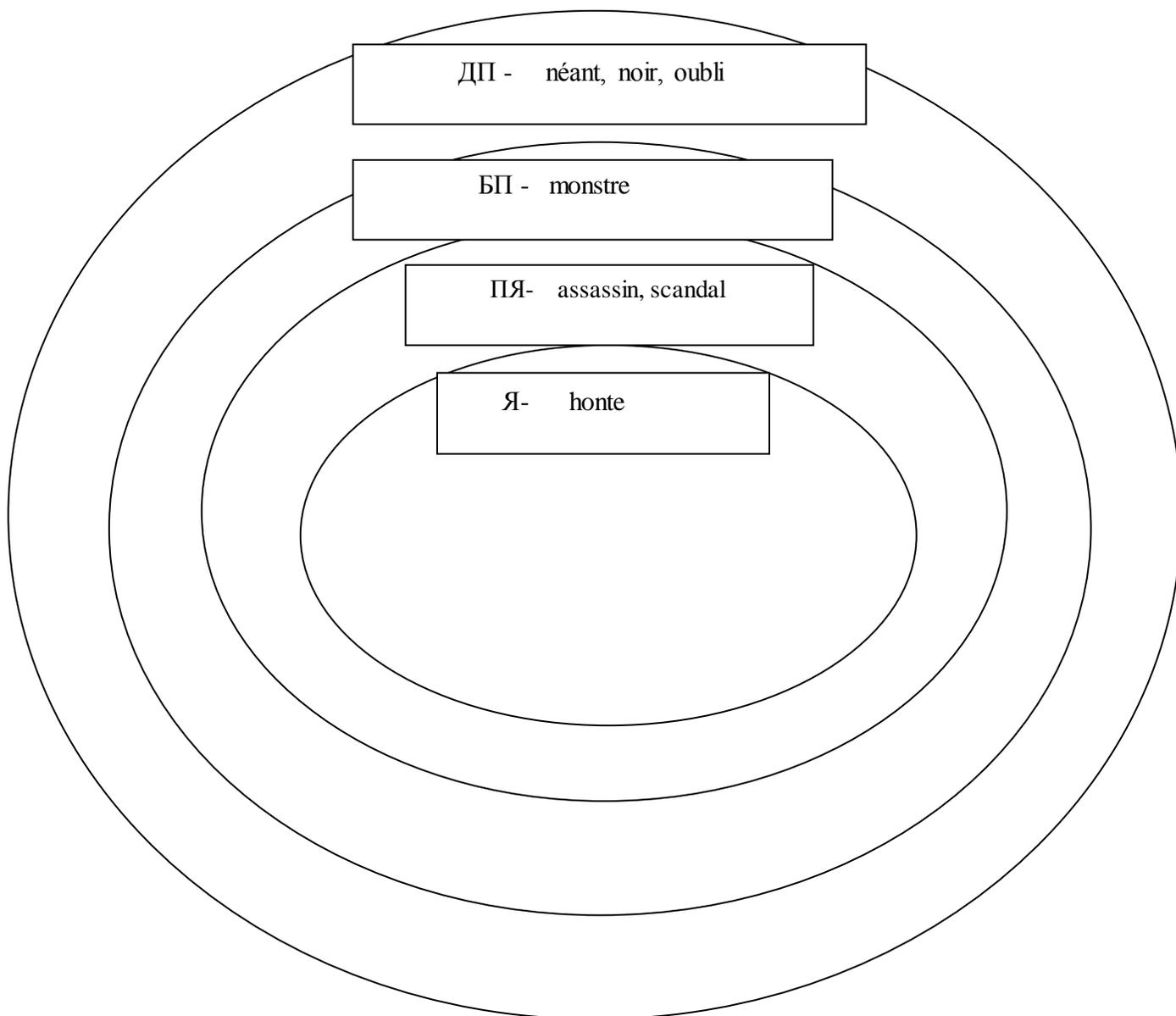
Рассмотрев концепт “**honte**”, мы не могли обойти стороной концепт “**absurdité de vie**”, который в данном произведении играет не менее важную роль, чем остальные концепты. Следует отметить, что проявление концепта тесно связано с основными догматами экзистенциализма, а также с учением Шопенгауэра. Раскрытие образа Этьена было бы неполным без раскрытия данного концепта. Рассматривая концепт “**absurdité**” в рамках данного произведения можно опираться на такие идеи философов как «гармоничное

страдание - удел избранных», «жизнь внушает отвращение». Говоря о его лексических репрезентантах этого концепта можно выделить такие единицы как **espérences déçus, l'homme se définit par opposition aux autres, la vie inspire le dégoût**, которые можно неоднократно встретить в данном произведении.

Концепты “**amour et jalousie**” неразрывно связаны друг с другом, так же как и понятия, репрезентующие их.

Схематически концепт **jalousie** можно представить следующим образом :

Он постоянно испытывал внутренние противоречия: то он хотел, чтобы мать была счастлива, то он очень её ревновал. И это заставляло его мучиться. Он не видел выхода из сложившейся ситуации, а возможно даже и не пытался его найти.

Проявление таких понятий как «долг», «обязательство», и, в некотором смысле, «бессилие перед обстоятельствами» оказываются наиболее многочисленными и описываются с высокой степенью экспрессии.

Очевидно, эти понятия включает в себя концепт, выбранный нами в рамках данной работы для анализа, который можно номинативно определить существительным “**tête**”. Мы проследили, что данный концепт проявляется на разных уровнях произведения.

В качестве лексической репрезентации концепта “**tête**” можно рассматривать такие наиболее часто встречающиеся единицы как “**cervelle**”, “**caboché**”, “**crane**”, ” и само слово “**tête**”, которое в свою очередь может быть охарактеризовано такими эпитетами как “**la tête baissée, la tête perdue, la tête coupée**”.

Ключевое слово романа **tête** вынесено в сильную позицию текста – в позицию заглавия, что подчеркивает его концептуальную значимость. слово в совокупности встречается на страницах романа 38 раз, формируя центральную зону концептосферы. Мы приходим к такому выводу, проанализировав всё произведение целиком, поскольку данный символ выражен не только эксплицитно, но и имплицитно.

Сюжетный ход, присущий жанру психологическому роману, когда читатель только в конце романа понимает всю сущность происходящего и позицию самого автора – это мысли Жюбера, который советует Этьену, имея голову на плечах ещё и думать, понимать, переосмысливать прочитанное, поступки окружающих тебя людей.

Произведение “**La tête sur les épaules**” пронизано рядом ключевых слов, неразрывно связанных со словом которые играют особую роль в понимании

всего происходящего в рамках данного произведения. Эти слова можно также назвать повторяющимися и сопряженных парадигматически и синтагматически с ключевыми словами. Так, например, слово «**nauffrage**» встречается в тексте много раз. То чета пожилых людей, встретившиеся ему на улице, как ему кажется, вцепились друг в друга как тонущие на корабле, то он себя ощущает на корабле, который вот-вот потонет, то комната в момент попытки самоубийства плывёт как корабль к небытию.

Как уже было отмечено выше, данное понятие может быть раскрыто посредством таких понятий как « **absurdité de la vie** », « **le dégoût de la vie** », которые в свою очередь выражены лексически: « **je ne suis pas viable** », т.е. герой романа считает, что если жизнь – это абсурд, то и его нежизнеспособность закономерна.

Проанализировав рассмотренные выше концепты, можно сделать вывод, что обозначенные нами для рассмотрения концепты « **amour** », « **jalousie** », « **honte** » ярко выражены не только посредством лексики, но и в мыслях героя и в идеологии, которой он стремится следовать.

Итак, в настоящей диссертационной работе мы предприняли следующий концептуальный анализ:

- 1) выделили предтекстовые пресуппозиции романа, А. Труайя « *La tête sur les épaules* » важные для формирования концептуального пространства текста. Роман был создан в гг, когда во Франции общество увлекалось философскими идеями Шопенгауэра, Хайдегера, Сартра и др. Автор, его происхождение, корни, несущее информацию о его русско - французской натуре;

- 2) проанализировали также семантику заглавия и его семантического радиуса в тексте. Слово романа **tête** вынесено в сильную позицию текста, оно формирует центральную зону концептосферы и выражено также имплицитно: не принимать слепо на веру всевозможные идеи, а быть самим собой, понимать любящих тебя людей;
- 3) выявили ключевые слова текста: « **tête** » « **amour** », « **jalousie** », « **honte** »;
- 4) выявили повторяющиеся слова, сопряженные парадигматически и синтагматически с ключевыми словами, т.е. вслед за ключевыми словами текста определили лексические репрезентанты текстового концепта, например **honte: assassin, scandale, mépris**; или **amour: épier les moindres gestes**;
- 5) осуществили анализ лексического состава текста с целью выявления слов одной тематической области с разной степенью экспрессивности, например **tête: пейоративное, уничижительное значение - caboche, crane**;
- 6) описали концептосферы текста, предусматривающее обобщение всех контекстов, в которых употребляются все ключевые слова – носители концептуального смысла, с целью выявления характерных свойств концепта: его атрибутов, предикатов, ассоциаций, в том числе образных, например: **jalousie – mensonge, néant – silence, noir, oubli**;
- 7) смоделировали структуру концептосферы, то есть выделили в ней ядра (базовой когнитивно-пропозициональной структуры), приядерной зоны (основных лексических репрезентаций), ближайшей

периферии (образных ассоциаций) и дальнейшей периферии (субъектно-модальных смыслов).

Схематически одну из моделей можно изобразить следующим образом:

Я –amour; **ПЯ** – admirer ce petit visage, épier les moindres gestes, couvrir de baisers, humer son pafum, écouter le bruissement de sa robe; **БП** – corps gracile de fillette, une enfant vulnérable et coquette, le visage translucide d'un ange; **ДП** – considérer comme une enfant.

Подводя итоги, можно сказать, что индивидуально-авторские знания о мире формируют специфическую концептосферу, структурированную по принципу поля, ядром (Я) которого является когнитивно-пропозициональная структура (КПС), приядерную зону (ПЯ) представляют лексические репрезентации этой структуры, ближайшую периферию (БП) – образные репрезентации, а дальнейшую (ДП) – эмоционально-оценочные смыслы.

Автор, для выражения эмоционально-оценочных смыслов использует в романе такие стилистические приемы как метафора, сравнение, персонификация, ирония, аллюзия, сравнение, которые, безусловно, несут сильную смысловую нагрузку. Так, например, через иронию Анри Труайя точно отражает характер, сущность персонажа. Благодаря использованной метафоре – **ange destructeur**, мы можем охарактеризовать главного героя как человека импульсивного, отчаянного. Что же касается использованных здесь сравнений, то они подобно метафоре и иронии имеют оценочную функцию. На примере одного рассмотренного персонажа, на котором автор собственно акцентирует особое внимание, можно сделать следующий вывод: сущность одного – это зеркальное отражение другого.

Заключительные строки произведения наглядно отображают прозрение молодого человека, рукопожатие господина Жюбера он воспринимает как спасение утопающего.-

Une main se tendit vers Etienne. Il la serra sans réfléchir, avec un sentiment d'être secouru dans un naufrage.

Дальнейшая периферия – субъективно-модальные смыслы. Знания о них выводятся из семантики встречающихся в тексте эмоционально-оценочных слов, из системы образных средств, стилистических приемов. Эти знания представляют собой импликаты разного рода. Образы персонажей формируют художественный образ произведения. А. Труайя мастерски оперирует стилистическими приемами.

Глубинный анализ романа показал также, что автор не навязывает своё понимание проблем, а подводит к определённом мнению. Доказательством служит то, что на протяжении всего романа, читатель думает, что автор тоже придерживается мнения философов, как и его герой, и, только в конце романа, читатель понимает, что автор скептически относится ко всем этим выкладкам и, устами Максима Жюбера, весьма убедительно опровергает их.

Выводы по III главе

В настоящей главе мы рассмотрели особенности художественного концепта, а также концептосферу романа А. Труайя «*La tête sur les épaules*».

Слово создает художественное впечатление, имеющее своим результатом какие-то духовные обогащения - то есть, слово создает концепт - мыслительный акт. Создание и восприятие художественных концептов —

двухсторонний коммуникативный процесс. В ходе коммуникации создатели и потребители концептов постоянно меняются местами.

Художественные концепты диалогичны, поскольку связаны с множеством одновременно значимых точек зрения. Порождающее и воспринимающее сознание в этом смысле равноценны. Восприятие концептов представляет собой вариант их нового порождения. Опираясь на идеи С. Аскольдова, можно сказать, что создание и восприятие концептов — двухсторонний коммуникативный процесс.

Концепты подчиняются особой прагматике “художественной ассоциативности”. Художественные концепты образны, символичны, динамичны, потенциальны.

Цепочки художественных концептов порождают образные коммуникативные системы, характеризующиеся открытостью, потенциальностью, динамичностью. Существовая в пространстве языка, такая система определяет характер национальной картины мира.

Важнейшей функцией концепта является функция «замещения», т. е. возможность раскрытия одного смысла другим, изоморфным ему. Художественный концепт строится по ассоциации и этим определяется неоднородность его компонентов.

Смысловые составляющие художественного концепта эксплицируются в тексте посредством языка. Процесс постижения смысла, безусловно, есть процесс языковой. Без языка невозможна ни дешифровка смыслов, ни их стабилизация, ни их трансляция.

Метафорический концепт принадлежит индивидуальному сознанию, в отличие от концептов познания, которые по своей природе являются «общностями».

Концептуальный анализ художественного текста предполагает, прежде всего, исследование целостного текста, т.е. все виды информации: 1) содержательно-фактуальная/содержательно-концептуальная информация (параметр ПС); 2) эксплицитная/имплицитная, то есть содержательно-подтекстовая, информация (параметр ПВ).

Константность и универсальность концептов позволяет выявить их культурно значимые парадигмы и описать их концептосферы, что и является целью концептуального анализа.

При этом необходимо учитывать то, что концепты многокомпонентны и представляют собой поле знаний, представлений, ассоциаций, имеющих ядро и периферию. Концепт художественного текста формируется на синтагматической основе, имеет внутритекстовую синтагматическую природу.

Концептуальный анализ художественного текста предполагает, во-первых, выявление набора ключевых слов текста; во-вторых, определение базового концепта этого пространства; в-третьих, описание обозначаемого ими (ключевыми словами) концептуального пространства.

В формировании концептуального пространства текста участвуют также предтекстовые пресуппозиции.

В настоящей работе при обнаружении концептов и концептосферы мы придерживались алгоритма концептуального анализа художественного текста, предложенный Л.Г. Бабенко, который мы применили в процессе анализа выбранного нами произведения. Результатом следующего анализа можно

считать следующее: предтекстовые пресуппозиции романа - это существующее во Франции, на момент создания романа, увлечение, определёнными слоями интеллигенции, философией Жан-Жака Руссо, Шопенгауэра, Сартра, а также представление о картине мира самого автора.

Семантика заглавия и его семантический радиус в тексте формирует центральную зону концептосферы. Ключевые слова текста: « **tête** » « **amour** », « **jalousie** », « **honte** »; имеют следующие лексические репрезентанты: la tête baissée, la tête perdue, la tête coupée, - caboche, crane; – admirer ce petit visage, épier les moindres gestes, couvrir de baisers, humer son pafum; assassin, scandale, mépris;

Структура концептосферы состоит из ядра приядерной зоны ближайшей периферии и дальнейшей периферии.

Концептуальный анализ романа А. Труайя « La tête sur les épaules » позволил составить следующие обобщённые модели концептосфер:

Я –amour; **ПЯ** – admirer ce petit visage, épier les moindres gestes, couvrir de baisers, humer son pafum, écouter le bruissement de sa robe; **БП** – corps gracile de fillette, une enfant vulnérable et coquette, le visage translucide d'un ange; **ДП** – considérer comme une enfant.

Я – **jalousie**; **ПЯ** – mensonge, déception irréparable, **БП** –ce M. Jubert, un type ; **ДП** – il eut l'impression qu'une aiguille rapide le perçait

Я – **honte** ; **ПЯ** –assassin, scandale, mépris **БП** – néant, gouffre, **ДП** – comme un bateau en naufrage.

Анализ романа показал, что концептосфера текста, предусматривает обобщение всех контекстов, в которых употребляются все ключевые слова – носители концептуального смысла. Характерные свойства концепта

определяются при помощи его атрибутов, предикатов, ассоциаций, в том числе образных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ позволил выявить доминанты авторского представления о ценностях, или шкалу ценностей личностной аксиосферы автора как культурно-языковой личности, а также совокупность сущностных смыслов, к которым апеллирует автор при оценивании произведения, аксиологические способы оценки и конкретизирующие выражения – носители интерпретационных оценочных смыслов, которые использует автор в произведении.

Аксиосфера сочетает в себе объективный и субъективный параметры и конституируется установлением оценочного отношения. Объективный параметр отражает определенную конвенциональность системы ценностей, выработанной предыдущим опытом коллектива и народа в целом, а также предъявляемость данной системы в процессе социологизации личности. Субъективный параметр аксиосферы исходит из того факта, что всякое аксиологическое отношение в реальности устанавливается конкретным субъектом в конкретных условиях жизни, что отражено в различных дискурсивных образованиях.

Писатель оценивает в определенной ситуации события, явление, соотнося их не с неким универсальным абсолютным воплощением моральных, социальных или эстетических ценностей, а, прежде всего, со своим собственным, более или менее совпадающим с общим пониманием ценностей, в частности, моральных, социальных или эстетических и др.

Настоящий анализ подтвердил постулат Г. В. Степанова, который, определяя категорию автора как «культурно-языковую личность», сказал, что в литературном речевом акте «всегда можно заметить стремление автора не просто навязать читателю свой тезаурус, т.е. дать определенное число сведений

о мире, но внушить ему те ценностные ориентиры, которые он, «отправитель речи», художник, творец, личность и член общества, считает важным для других людей и тем самым для себя самого» [Степанов 1988: 37].

Семиметрический подход рассмотрения валоризации произведения позволил выявить доминанты авторского представления о ценностях, или шкалу ценностей личностной аксиосферы автора как культурно-языковой личности, а также совокупность сущностных смыслов, к которым апеллирует автор при оценивании произведения, аксиологические способы оценки и конкретизирующие выражения – носители интерпретационных оценочных смыслов, которые использует автор в произведении.

Семиметрия как прием семантического аксиологического анализа направлена на интерпретацию конкретного содержания структур, опознаваемых в качестве маркеров ценностного отношения, по данным избранного смыслового пространства в его конкретной авторизации и определенном целеполагании [Серебренникова 2006: 91; 2008: 49-61]. Под семиметрическим подходом при анализе авторского произведения понимается выделение определенных текстовых структур, используемых в архитектонике произведения для выражения социальных и личностных смыслов.

Поиск интерпретации глубинного содержания, не эксплицированного в основном тексте, находит свое отражение в появлении в околотекстовом пространстве ряда образований, которые позиционируют самого автора и формируют вектор оценивания (*appréciation*) – «от себя к миру» (к читателю-адресату). Индивидуальный и социальный опыт писателя, позволил, на наш взгляд, выделить доминантные, важные ценности того времени.

Суггестия или в нашем понимании пресуппозиция, важных событий для формирования концептуального пространства текста является проспективным внетекстовым информационно-коммуникативным образованием. Обладая

характером вторичности в плане порождения и метатекстовости в плане содержания, суггестия характеризуется завуалированной обращенностью к читателю и содержит коммуникативно-прагматическую установку предварительного информирования читателя о предлагаемом содержании произведения.

Авторское представление о ценности определенных событий для человеческой культуры является определяющим в их отборе и интерпретации. Тем самым, признается право личности на свою собственную систему ценностей.

Тем не менее, «иерархия ценностей исторически и социокультурно изменчива» [Каган, 1997: 25]. Авторы зачастую знакомят читателя со своими взглядами, пишут о своем видении социального обустройства общества.

В романе оцениванию подвергаются наиболее весомые и социально-значимые ценности – любовь, ревность, достоинство, добродетель, жизненные приоритеты, составляющие ценностную шкалу оценивания в аксиосферах разного уровня (индивидуально-социально-группового-этнокультурного).

Концепт – это многомерное образование. Он обладает достаточно сложной структурой и существует в сознании носителей языка. Совокупность концептов образует концептуальную картину мира, отражающую оценки, представления людей об окружающей их действительности. Языковая картина мира, в отличие от концептуальной, более консервативное образование. Она претерпевает изменения значительно медленнее, нежели концептуальная, изменения в ней, хотя и со временем становятся очевидными, требуют более тщательного анализа.

Таким образом, концептуальная модель – это определенное множество понятий и связей между ними, являющихся смысловой структурой

рассматриваемой предметной области, состоящей из перечня понятий, используемых для описания этой области, вместе со свойствами и характеристиками этих понятий.

В данной работе были рассмотрены особенности концептосферы произведения Анри Труайя, в результате чего были выявлены наиболее важные и ярко выраженные концепты. Так, ядром концептуальной модели произведения «*La tête sur les épaules*» является концепт «**amour**», который тесно связан различными типами внутретекустовых отношений с концептами «**jalousie**» и «**honte**». Интегральный смысл произведения характеризуется амбивалентностью, что объясняется тем, что, в процессе чтения, читатели считали, что Труайя разделяет убеждения главного героя. Но в конце романа мы понимаем, что автор тонко высмеивает слепое следование философским догмам. В рамках произведения «*La tête sur les épaules*» был выявлен концепт «**honte**», как один из основополагающих в романе. Образы персонажей в произведении различны. Марион - чистая, нежная натура, сохранившая молодость, безгранично любящая своего сына и желающая обрести личное счастье. Этьен – безмерно любящий свою мать - эгоистичен и ревнив. Он увлекается философией и не способен переосмыслить прочитанное, тупо следует всем догмам. Узнав, что он сын убийцы испытывает стыд и, следуя философским выкладкам (человек наследует все наклонности от отца), решил, что тоже должен стать убийцей. Жюбер - добрый, умный снисходительный, по отношению к сыну своей возлюбленной, человек, разъяснивший ему суть вещей.

Автор исследовал внутренний мир героев, особенности ментальности и систему ценностей, которые существовали для слоев французского общества

середины XX века. Авторское видение этих проблем отражено в концептуальных моделях исследованного произведения.

Полагаем, что содержание выделенных сущностных смыслов аксиологических аспектов произведения, отражающие шкалу ценностей личностной аксиосферы автора можно определить как общечеловеческие ценности, т.е. ценности, обеспечивающие устойчивость и воспроизводство культуры.

Таким образом, семиотический подход к анализу аксиологических аспектов произведения позволил выявить систему авторских ценностей, которые в свою очередь, коррелируют с ценностными аспектами рассматриваемой эпохи.

В данном случае уместно привести замечание Г. Риккерта о том, что «из необозримой массы индивидуальных, т.е. разнородных объектов автор останавливает свое внимание только на тех, которые в своей индивидуальной особенности или сами воплощают в себе культурные ценности, или стоят к ним в некотором отношении» [Риккерт 1998 : 91].

Поиск интерпретации глубинного содержания, не эксплицированного в тексте, а так же примененные методы позволили выявить концепты и концептосферы романа А. Труайя и понять авторское видение мира.

Для писателя значимой становится проблема смысловой репрезентации текста инновационных, не известных образованной публике, жанров, а также адекватности представления их содержания и коммуникативной интенции автора [Викулова 2008: 187].

Поиск интерпретации глубинного содержания, не эксплицированного в тексте.

Список использованной литературы

1. Каримов И. А. Речь на девятой сессии Олий Мажлиса. Т. 1997.
2. Абушенко В.Л. Концепт / В.Л. Абушенко, Н.Л. Кацук // Постмодернизм: Энциклопедия. – Минск, 2001. – С.590 – 615.
3. Адмони В. Г. Система форм речевых высказываний СПб 1994.
4. Алекберова И.Э. Проблема анализа дискурса в рамках лингвокультурологии // Российская международная академия туризма. М. 2010.
5. Аскольдов С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность: Антология / Под ред. проф. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997.
6. Аскольдов С.А. Межкультурная коммуникация / С.А. Аскольдов // Практикум. Ч. I. – Нижний Новгород, 2002.
7. Архипов И. К. Концептуализация, категоризация, текст, дискурс. Основные теоретические понятия // Филология и культура. Материалы III международной научной конференции. – Часть 1. – Тамбов, 2001. – С. 13-15.
8. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста /Л.Г. Бабенко, Казарин Ю.В. М.: Флинта, Наука, 2003.
9. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996.
10. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики М. 1975.
11. Берестнев Г. И «О новой реальности» языкознания. Филологические науки. М.1997, №4, с.47.
12. Бодуэн де Куртенэ И. А. Количественность в языковом мышлении // И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. Ч.1. М.1963.

13. Боас Ф. Границы сравнительного метода в антропологии / Пер. Ю. С. Терентьева // Антология исследований культуры. — СПб.: Университетская книга, 1997. — Т.1.-С.509-518.
14. Болдырев Н. Н. Категоризация событий и специфика национального сознания // Язык и национальное сознание. – Воронеж, 1998. – С. 29-
Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика – Тамбов, 2001.
15. Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1 – С. 18-36.
16. Бондарко А. В. К интерпретации понятия «смысл» // Словарь. Грамматика. Текст. – М., 1996, – С. 316-321
17. Бондарко А. В. Об уровнях описания грамматических единиц// Функциональный анализ грамматических единиц Л.1980.
18. Бочегова Н.Н. Этнос. Культура. Язык / Н.Н. Бочегова – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. – 160с.
19. Брутян Г. А. Гипотеза Сепира — Уорфа. — Ереван, 1968. – С. 34
20. Быкова Г. В. Лакуны как явление языка и речи // Филологические записки. – Вып. 14. – Воронеж, 2000. – С. 183-196
21. Вайсгербер И.Л. Язык и философия. // Вопросы языкознания, 2, 1993. С. 123-162.
22. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1996.
23. Викулова Л.Г. Аксиологические аспекты авторского и издательского предисловий (семиметрический подход) [Текст] / Л.Г. Викулова, И.В. Чернигова // Этносемиметрия ценностных смыслов: коллективная монография. - Иркутск: ИГЛУ, 2008. – С. 186-233.
24. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. №1.

25. Воркачев С. Счастье как лингвокультурный концепт. – М, 2004.
26. Выготский Психология искусства. 3-е изд. М.: Искусство, 1986. 573 с.
27. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 181 с.
28. Гончарова Е.А. Когнитивно-коммуникативные параметры ситуации порождения, восприятия и интерпретации литературного текста/Е.А. Гончарова//Studia Linguistica. Язык. Текст. Культура. – Спб.: БурейАрт, 2007. – С.7-14
29. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации. М., 2002.
30. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – М., 1994. – № 4. – С.21.
31. Жинкин И. Н. Избранные труды. Язык. Речь. Творчество. – М., 1998.
32. Залевская А. А. Концепт как достояние индивида//Слово. Текст. Избранные труды. М, 2005. – С. 234-244.
33. Зубкова Л.Г. Эволюция представлений о языковой категоризации мира. Когнитивная семантика, ч. 2, Тамбов, 2000, с.176-180;
34. Ибраева А.Ф. Индивидуально-авторское и универсальное в художественном концепте / А.Ф. Ибраева // Филология и образование: современные концепции и технологии: Материалы Международной научной конференции (3-5 июня 2010 года). – Казань: Изд-во МОиН РТ, 2010.
35. Ипсен Г. Фестский диск (опыт дешифровки) // Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. Сб. статей. Пер с англ, нем, франц. и итал. М. 1976, с. 32-66

36. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик – Волгоград: Перемена, 2002. – 390с.
37. Кобрина Н.А. Когнитивная лингвистика: истоки становления и перспективы развития. //Когнитивная семантика. Ч.2. Тамбов, 2000. с.170-175.
38. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М., 2002. Кубрякова Е.С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем. Язык и структуры представления знаний. М.1992. с.103.
39. Каган М. С. Философская теория ценности [Текст] / М. С. Каган. – СПб. : ТОО: ТК «Петрополис», 1997. – 205 с.
40. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Пер. с англ. Р. И. Розиной // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М., 1988 – С. 12-21.
41. Леонтьев А. А. Языковое сознание и образ мира //Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М., 1993. – С. 16-21.
42. Лихачев Д.С. Русская словесность / Д.С. Лихачев // От теории словесности к структуре текста: Антология / Под ред. проф. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С.282.
43. Лотман Ю.М. Структура художественного текста М.1970.
44. Лотман Ю.М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман // Семиосфера. – СПб.: Искусство, 2000. – С.137.
45. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст –семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
46. Лурия А. Р.Мозг человека и психические процессы М., изд, 3, 1999.
47. Лурия А. Р., Виноградова О. С. Объективное исследование динамики семантических систем. «Семантическая структура слова», М.1991.

48. Миллер Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. 2000. No 4.
49. Михайлов А.В. Языки культуры. М., 1997.
50. Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абеяра / С.С. Неретина. – М.: Гнозис, 1994. – С.141.
51. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. – СПб., 1997.
52. Никитин М. В. Развернутые тезисы о концептах / Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. С. 53-64.
53. Никитина С. Е. Семантический анализ языка. Изд.-2 М.2014.
54. Пеше М. Контент-анализ и теория дискурса // Квадратура смысла. М., 1999.
55. Павилёнис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.1983, с.103.
56. Покровский М. М. Избр. работы по языкознанию, М., 1959.
57. Попова З. Д. и Стернина И. А. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж, 2002.
58. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.2006, с. 65; Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М.: АСТ/ Восток – Запад, 2007.
59. Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001, с.96.
60. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика / Воронеж, 2002.
- Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. – СПб. : ТОО: ТК «Петрополис», 1998. – 347 с
61. Сепир Э. Язык и среда // Избранные труды по языкознанию и культурологии / Пер. с англ. под ред. и с предисл. проф. А. Е. Кибрика. М.: Прогресс, Универс. 1993. — С. 270-284

62. Серебренникова Е.Ф. Диахроническая семиметрия французского слова la valeur / Е.Ф. Серебренникова // Этносемиметрия ценностных смыслов: коллективная монография. - Иркутск: ИГЛУ, 2008. – С. 63-73.
63. Серебренникова Е.Ф. Семиметрия как способ аксиологического анализа [Текст]/ Е.Ф. Серебренникова // Этносемиметрия ценностных смыслов: коллективная монография. - Иркутск: ИГЛУ, 2008. – С. 49-61.
64. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
65. Степанов, Г. В. Язык. Литература. Поэтика [Текст] /Г. В. Степанов. – М.: Наука, 1988 – 382 с. Тарасова И.А. Введение в когнитивную поэтику. Саратов, 2004. Стернин И. А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004, № 1. – С. 65-69.
66. Стернина И. А. Язык и национальное сознание. Вып. 8, Воронеж, 2006.
67. Таннен Д. «Ты меня не понимаешь». – М., АСТ, 1996.
68. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2002.
69. Трир Й. Теория поля. — М., 1986. 206 с.
- 70.** Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку [1] (Новое в лингвистике. Вып. 1. - М., 1960)
71. Учёнова, Харитончик З.А. Полифония текстов в культуре /В. В. Учёнова, Способы концептуальной организации знаний в лексике. Язык и структуры представления знаний: сб. аналитических обзоров. М., 1992. с.31. Филин Ф. П. Проблемы социальной обусловленности языка. Язык и общество М 1966
72. Фуко, М. Археология знания. – Киев. 1996.
- 73.** Харитончик З.А. Способы концептуальной организации знаний в лексике языка // ИНИОН. Язык и структуры представления знаний. Сборник научно-аналитических обзоров. Москва, 1992. – С. 98-123.

74. Харитончик, З.А. Язык и культура. Хрестоматия. // Минск, МГЛУ, 2002. 126 с.
75. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд., перераб. — СПб. «Питер», 2004. — 384 с.
76. Чарыкова О. Н. Менталитет и «образ мира» // Язык и национальное сознание. – Вып. 1. – Воронеж, 1998. – С. 26-27.
77. Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: свойства и различия в теориях и целях // ВЯ – 1996, № 2. – С. 68-78.
78. Чернигова И.В. Байкальский государственный университет экономики и права. Авторское предисловие как способ репрезентации личностной аксиосферы автора произведения (семиометрический поход).
79. Чернявская, В.Е. Власть дискурса и дискурс власти. – М., 2006
80. Чесноков С. В. Основы гуманитарных измерений. М.: ВНИИ системных исследований. Москва, 1985.
81. Чесноков С. В. Детерминационный анализ социологических данных// Социологические исследования № 3, 1980.
82. Щур Г.С. О некоторых основных понятиях теоретического языкознания // Ученые записки Омского педагогического Института 1972 вып.65
83. Эденхофер Т.В. Связь этимологических и полевых исследований в концепции И. Трира // Сборник научных трудов «Лексика в динамике». — Тверь, ТГУ, 2003. - С. 133-140.
84. Юдин Э. Г., Садовский В. Н., Systems theory. Philosophical and methodological problems. — М., 1977.
85. Bally Ch. Traité de stylistique française P. 1979.
86. Benveniste E. Problème de linguistique générale P.1999.
87. Boas F. Language and Culture. N.Y.,1940, 347 p.

88. Foucault M .L'Archéologie du savoir, Paris, Gallimard, coll. « Bibliothèque des Sciences humaines », 1969, 288 p.
89. La Fontaine, J. Préface [Text] / J. La Fontaine // Fables / J. La Fontaine; édition présentée, établie et annotée par J.-P. Collinet. – Paris : Gallimard, 1991. – P. 7
90. Genette, G. Seuils [Text] / G. Genette. – Paris : Le Seuil, 1987. – 426 p.
91. Ipsen G. Der Diskus von Phaistos. Ein Versuch zur Entzifferung // Indogermanische Forschunge. 1929. Bd. 47. H. 1. S. 1-41; Ипсен Г. Фестский диск (опыт дешифровки) // Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М, 1976. С. 32-65.
92. Lakoff R. Women, Fire, and Dangerous Things, Chicago, 1987.
93. Maas, Utz. Als der Geist der Gemeinschaeine Sprache fand. Sprache im Nationalsozialismus. – Opladen. 1984.
94. Maingueno D. Initiation aux méthodes de l'analyse du discours P. 1996.
95. Pêcheux M. L'inquiétude du discours. Texte de Michel Pêcheux P. 1990.
96. Porzig Bedeungafelder. Traduction de G.Hardy P.1970
97. Romaine S. Socio-Historical Linguistics. Cambridge, Cambridge University Press, 1982.
98. Saussure F. Ecrits De Linguistique Generale. éd. par Simon Bouquet; Rudolf Engler; Antoinette Weil.Gallimard, Paris 2002
99. Rosh E. Cognitive Representation of Semantic categories // Journal of Experimental Psychology. – 104. – 1975. P. 192-233.
100. Rosh E. H. Principles of Categorization // Rosh E. H., Lloyd B. B. Cognition and Categorization. Hillsdale, 1978. – P. 27-48.
101. Viau, de T. Epître au lecteur [Text] / T. De Viau // Oeuvres poétiques / T. de Viau; notes, lexique, tables établis par Guido Saba. – Paris : Garnier, 1990. – P. 3-4. –

102. Sériot P. Lectures récursives ; analyse et interorétation P.1997.
103. Tannen D. « The oral/literate continuum in discours », Spoken and written language : exploring orality and literacy, (D. Tannen dir.), Norwwod N.J., Ablex Pubkishn<ing Corporation, 1982.
104. Yaguello M. Et autres auteurs Le Grand Livre de la langue française P.2003.
105. Zavadovovskaya S. Y. Littérature française. Le XX siècle M.1993.

Словари:

106. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: Словарь тезаурус. Томск, 2008.
107. Краткий словарь когнитивных терминов // Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М., 1996.
108. Ярцева, В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь / В.Н. Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685с.
109. Французско-русский словарь Ганшина К. А. М.1002.
110. Литературоведческий энциклопедический словарь, 1987.
111. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
112. Larousse – P., 2004.

Интернет источнтки:

113. <http://www.infolex.ru/Concept.html>
114. <http://www.krugosvet.ru>
115. <http://www.philol.msu.ru>
116. <http://www.russian.slavica.org/topic7.html>
117. <http://urss.ru>
118. http://www.longsoft.ru/html/23/k/kognitivna8_lingvistika.html

119. <http://www.ru.wikipedia.org>
120. <http://www.krugosvet.ru>
121. <http://www.online-literature.com>
122. www.philology.ru/